

Д. ШИМОХИН

В. КОЛЛИНГВУД

КОНЦЕССИОНЕР

Дмитрий Шимохин
Виктор Коллингвуд
Концессионер
Серия «Подкидыш», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74242091

Аннотация

Чем выше взлетаешь, тем больше падать. Вчерашние союзники становятся помехой на пути к настоящей власти, а новые конкуренты готовы вцепиться в глотку за право строить будущее Сибири. Когда на кону не просто деньги, а целые губернии, правила пишутся кровью. Это игра на выбывание, где победитель забирает всё.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дмитрий Шимохин; Виктор Коллингвуд Концессионер

Глава 1

Судьба играет человеком! Примерно месяц тому назад я тщетно добивался аудиенции Аглаи Верещагиной. Теперь Аглая Степановна соизволила сама приехать ко мне. Казалось бы – бинго, надо поспешить на встречу! Но теперь у меня были дела поважнее: и главным из них была встреча с Михаилом Загоскиным.

– Степан Митрофанович, мне сейчас недосуг! – вежливо пояснил я. – У меня назначена важная встреча. Давайте вернемся к этому вопросу, когда я освобожусь!

Рекунов нахмурился, но отступил.

Дворец генерал-губернатора в центре Иркутска, где находилось Главное управление Восточной Сибири, впечатлял своим столичным, имперским величием. Пока я, оставив в приемной тулуп и шапку, ждал аудиенции, разглядывая портреты суровых сибирских наместников на стенах, в голове вертелись мысли. Мне, главе компании с миллионными оборотами, пожалуй, следовало бы нанести визит вежли-

вности его превосходительству генерал-губернатору. Но сегодняшняя цель моя была иной.

Вскоре в приемную вышел адъютант.

– Вас примет чиновник по особым поручениям, господин Загоскин. Прошу!

Меня проводили в просторную канцелярию, заваленную картами, отчетами и проектами. За столом сидел человек лет тридцати пяти, худощавый, с высоким лбом мыслителя и живыми, пронизательными глазами, смотревший на меня с нескрываемым любопытством. Это и был Михаил Васильевич Загоскин, видный деятель в команде губернатора Корсакова.

– Наслышан о вашей победе на собрании, господин Тарановский, – начал он с легкой иронией. – Говорят, вы умеете убеждать. Надеюсь, ваши таланты пойдут на пользу краю, а не только на пополнение ваших личных счетов.

– Именно о пользе краю я и пришел поговорить, – ответил я, решив сразу перейти к делу.

Я рассказал ему о своих планах на Бодайбо: о драгах, о насосах для гидродобычи, о динамите. И о главной проблеме – о катастрофической нехватке на всю Сибирь грамотных горных инженеров. И тут Загоскин преобразился. Ирония исчезла, а глаза его загорелись страстным огнем.

– Инженеры! – воскликнул он, вскочив из-за стола. – Вот оно, золотое слово! Вы привозите их из Петербурга, платите им бешеные деньги, а они через год бегут из нашей Сибири,

как из чумного барака! А почему? Да потому что здесь для образованного человека – пустыня! Ни театров, ни библиотек, ни научного общества!

Он возбужденно заходил по кабинету.

– Мы вывозим из Сибири золото караванами, а взамен получаем лишь каторжников да чиновников-казнокрадов! На таком фундаменте, господин Тарановский, будущее края не построить! Нам нужно не золото! Нам нужны мозги! Свои, сибирские! Нам нужен...

Он остановился передо мной и торжественно произнес:

– Нам нужен университет! На всю огромную Сибирь, от Урала до самого Тихого океана, – ни одного! Это же позор! Разве на этом можно построить будущее края, господин Тарановский? – почти выкрикнул он, останавливаясь передо мной.

– Нельзя, – согласился я. – Нужны свои знатоки. Грамотные управляющие, инженеры. Я с этим уже столкнулся. Найти толкового специалиста, готового ехать в эту глушь, – почти невозможно.

– Вот! – он торжествуя поднял палец. – Вот именно! Мы должны перестать просить. Мы должны начать воспитывать своих!

Он подошел к огромной карте Сибири, висевшей на стене, и ткнул пальцем в точку, обозначавшую Иркутск.

– Что нужно, чтобы молодой, талантливый человек не бежал отсюда при первой же возможности? Ему нужно образо-

вание. Настоящее, университетское! Ему нужна наука, профессура, библиотека! – он говорил с жаром проповедника. – Я уже много лет бьюсь над этой идеей, пишу записки в Петербург, доказываю... Но они там, в столице, не понимают. Они боятся – боятся, что сибирский университет станет рассадником вольнодумства.

– А чего хотите вы, Михаил Васильевич? – прямо спросил я.

Он обернулся, и его глаза горели.

– А я хочу, – он понизил голос до страстного, заговорщического шепота, – чтобы мы, сибиряки, перестали кланяться Петербургу. Чтобы мы построили его сами. Здесь.

– Университет? – уточнил я.

– Да! На сибирские же деньги! На ваши деньги, господин Тарановский! – он посмотрел на меня в упор. – На деньги таких, как вы, золотопромышленников, которые выкачивают из наших недр миллионы. Вместо того чтобы просаживать их в Париже или строить дворцы на Невском, вложите их сюда! В будущее! Мы скинемся – вы, Баснины, Трапезниковы, другие купцы, даже ваш враг Сибиряков, если его хорошенько прижать... Мы соберем капитал и положим его на стол перед государем. Капитал и прошение – об открытии в Иркутске первого Сибирского университета! Который будет готовить для наших же заводов, для наших приисков, для наших дорог – своих, сибирских инженеров! Своих врачей! Своих юристов!

Наша беседа, затянувшись на два часа. Загоскин, увлеченный своей идеей, говорил с жаром и страстью. Он ходил по кабинету, доставал с полок пыльные папки с проектами, цитировал отчеты сибирских экспедиций. Я же вставлял короткие, прагматичные реплики о драгах, насосах и гидродобыче, и эти технические детали лишь подливали масла в огонь его просветительского энтузиазма.

– Мы должны действовать, господин Тарановский! Немедленно! – воскликнул он, останавливаясь передо мной. – Бумаги, проекты – все это пылится в петербургских канцеляриях годами! Нужно показать столице волю и деньги сибиряков! Нужно начать подписку!

– Подписку? – переспросил я.

– Да! Составить подписной лист на пожертвования для учреждения Сибирского университета! Мы соберем местных купцов, золотопромышленников, всех, у кого есть хоть капля совести и разума! Пусть впишут свои имена и суммы, которые готовы пожертвовать. С этой бумагой, с живыми деньгами, я смогу пойти к его превосходительству генерал-губернатору. А он, в свою очередь, поставит перед Сибирским комитетом вопрос ребром!

– Это прекрасная идея, Михаил Васильевич, – сказал я, видя, как горят его глаза. – И я, со своей стороны, готов ее поддержать и капиталом, и влиянием. Но, чтобы строить будущее, нужно сначала разобраться с настоящим.

Он вопросительно посмотрел на меня. Пришлось пояс-

нить – зачем я, собственно, к нему и пришел.

– Видите ли, мне нужен специалист – человек, который разбирается не только в бухгалтерии, но и в экономике края. Который знает реальные цены на фураж, на перевозки, на жалование рабочим.

– Зачем вам это, Владислав Антонович? – в его голосе прозвучало любопытство чиновника, почуявшего интересное дело.

– У меня возникли... разногласия с одним из моих акционеров, – упоминавшийся вами господине Сибирякове, – я намеренно выбрал самое мягкое слово. – Он предоставил в правление отчет о расходах на свою бодайбинскую экспедицию. Суммы там значатся колоссальные. И у меня есть веские причины полагать, что они, скажем так, несколько завышены. Мне нужно провести независимую ревизию его сметы. По сути – доказать в суде, что он мошенник.

Загоскин слушал, и в его глазах появился острый, хищный блеск. Вражда между старым сибирским купечеством, которое представлял Сибиряков, и новыми, прогрессивными силами, к которым принадлежал сам Загоскин, была общеизвестна и неистребима. Он увидел в моей проблеме не просто коммерческий спор, а возможность нанести удар по своим идейным противникам.

– Считайте, что вы его нашли, – он усмехнулся. – Статистика и экономика Сибири – это, можно сказать, моя профессия и страсть. Если вы предоставите мне все данные из

его отчетов – точное число рабочих, количество лошадей, объемы перевезенного груза, пройденное расстояние, – я вам за два-три дня составлю контрсчету. Реальную. С выкладками, основанными на казенных расценках и средних рыночных ценах. И ни один суд, уверяю вас, не сможет ее оспорить. Мы докажем, сколько на самом деле он потратил. И сколько – положил себе в карман!

Мы расстались почти.

Выйдя из губернаторского дворца, вернулся в свою гостиницу. В холле меня ждал Рекунов.

– Господин Тарановский, вы освободились? Аглая Степановна просит вас к себе, – сказал он коротко, без всяких предисловий. – Она остановилась в «Ангарском подворье».

– Просит? – я усмехнулся. – Еще не давно, помнится, было «не велено пущать». Что же так переменилось?

– Не могу знать. – мрачно ответил Рекунов посмотрев в пол. – Так что мне ей ответить?

– Передайте, что я пообедаю и буду через час.

Он промолчал, лишь едва заметно дернулся мускул на его невозмутимом лице. Через час, как и обещал, я явился в гостиницу «Ангарское подворье» Госпожа Верещагина ждала меня в одиночестве. На ней было элегантное дорожное, платье. Выглядела она смущенно и взволнованно. Увидев меня, она поднялась навстречу.

– Владислав Антонович... Я рада, что вы пришли.

– Я пришел, потому что меня позвали, Аглая Степановна.

Так в чем же дело, не терпящее отлагательства? – холодно спросил я, намеренно не принимая приглашения сесть.

Она смутилась еще больше.

– Ваш... ваше послание, что передал мне Сергей Митрофанович... – начала она. – Признаться, я удивлена. Вы в нем изволили угрожать мне каторгой. Но за что? Я несчастная вдова и не сделала ничего противозаконного.

– Ничего? – я вскинул бровь. – А как расценивать вашу попытку сговора с Сибиряковым с целью сместить меня с поста генерального управителя?

Верещагина мгновенно покраснела от досады.

– А где вы были, Владислав Антонович?! Где вы пропадали все эти месяцы?! Я слала вам письма, запросы! В ответ – тишина! Я поверила в вас, вложила в это дело все, что у меня было, а вы просто исчезли! Я думала... – ее голос дрогнул, – я думала, что вас уже и в живых-то нет! А Сибиряков был здесь, рядом. Он убеждал, доказывал...

– Он лгал, – отрезал я.

– Откуда мне было это знать?! – воскликнула она. – Почему вы не отвечали?

– Потому что там, где я был, Аглая Степановна, телеграфа не имеется, почтовые обозы не ездят, и даже голуби не летают! Я был в Маньчжурии, где вырезал банды, грабившие мои прииски!

– Но разве вам не следовало находиться в Иркутске и вести дела Общества? – спросила Верещагина.

– Я отдал необходимые указания и отбыл по своим делам. Господин Сибиряков, бывший исполнительным директором, прекрасно знал, чем ему следует заниматься.

– Но разве это дело для генерального управителя – гонять по лесам разных бандитов? А если бы вас убили?

– Вот тогда вы – и другие акционеры – спокойно избрали бы другого управляющего. Говорю вам прямо: если вы считаете, что управляющий должен безвылазно сидеть в конторе, то вы сильно заблуждаетесь. Иногда стоит взглянуть на свои дела вблизи, своими глазами. Именно поэтому – я сделал паузу, – недавно я был на приисках Бодайбо.

При упоминании Бодайбо она вздрогнула.

– Я провел там ревизию, – продолжал я безжалостно. – И выяснил весьма любопытные вещи. Оказалось, что ваш новый союзник, господин Сибиряков, не просто провел «разведку». Он втихую намыл там за лето более пятидесяти пудов золота. Нашего с вами золота. И именно этими, краденными деньгами он и пытался оплатить свой взнос в наше Общество. Сейчас будет судебное разбирательство.

Аглая Степановна покачнулась, как от удара. Я смотрел, как меняется ее лицо: шок, неверие, а затем – холодная, расчетливая ярость обманутой женщины.

– Вот на кого вы хотели меня променять, Аглая Степановна? – добил я ее. – На вора? На обыкновенного мошенника, укравшего у вас же из-под носа целое состояние?

Она молчала, и в этой тишине рушились последние остат-

ки ее союза с Сибиряковым.

Однако Аглая Степановна быстро пришла в себя. Шок на ее лице сменился привычной деловой жесткостью. Она была хищницей, и даже попав впросак, не собиралась сдаваться.

– Это... это возмутительно! – произнесла она, и в ее голосе зазвенела сталь. – Этот человек ответит за свой обман! Владислав Антонович, я была слепа. Прошу вас, давайте забудем это досадное недоразумение. Мы должны действовать вместе, чтобы наказать негодяя и вернуть наше золото!

Услышав это, я не смог сдержать ухмылки. Ну конечно – как только оказалось, что Сибиряков проиграл, а я победил, она снова захотела стать моим союзником, партнером. Но я уже не верил ни единому ее слову. Знаем проходили.

– «Наше» золото, Аглая Степановна? – я усмехнулся. – Боюсь, вы ошибаетесь. У нас с вами больше нет ничего «нашего».

Она замерла, делая вид что не понимает, о чем я веду речь.

– Сударыня, я предлагаю вам выйти из Общества, – сказал я ровно.

– Что?! – она вновь покраснела и вскочила на ноги. – Да вы с ума сошли!

– Напротив, я в полном рассудке. Я готов выкупить ваш пакет акций. Двадцать тысяч штук. По номиналу. Два миллиона рублей. Я выплачу вам всю сумму до копейки, и мы с вами разойдемся с миром.

– По номиналу?! – она нервно с истерическими нотками расхохоталась. – Да вы знаете, сколько сейчас стоят ваши бумаги на иркутской бирже после собрания?! Их с руками отрывают по пять тысяч шестьсот рублей за акцию! Мой пакет стоит одиннадцать миллионов! Одиннадцать, а не два! И я не продам его! Ни за что!

Ну что же. Ожидаемо. По-хорошему мы не хотим – значит, будет по-плохому.

«Если в сердце дверь закрыта – надо в печень постучаться», хе-хе.

– А каторга вас тоже не пугает, Аглая Степановна? – тихо спросил я.

Она осеклась, ее смех оборвался.

– Ну вот опять эта каторга! О чем вы говорите?

– О подделке учредительных документов, конечно не – так же тихо продолжал я. – О подлоге. Преступлении весьма серьезном.

Я смотрел, как кровь медленно отступает от ее лица.

– Когда мы учреждали Общество в Петербурге, вас там не было. А ваша подпись на прошении, поданном на Высочайшее имя, требовалась. И она там стоит. Вот только... это не ваша подпись!

Аглая Степановна уставилась на меня широко раскрытыми от изумления глазами.

– Но я... я ничего не подделывала! – выдохнула она.

– Ну кто же об это знает? Уважаемая Аглая Степановна!

Но знаете, что самое забавное? Я в этом деле чист, как стеклышко. А вот вы – нет.

Я видел в ее глазах полное непонимание, и это доставляло мне жестокое удовольствие.

– Представьте себе, Аглая Степановна, заголовки в «Иркутских ведомостях», – я начал рисовать ей картину. – «Знаменитая кяхтинская купчиха Верещагина обвиняется в подлоге при учреждении акционерного общества». Как это скажется на вашей чайной торговле? Кто после этого даст вам кредит? Кто пойдет с вами в дело? Ваша репутация, которой вы так дорожите, будет уничтожена.

– Но при чем здесь я?! – почти крикнула она. – Меня там даже не было!

– А при том, – я шагнул к ней вплотную, – что, приняв акции и проголосовав ими через вашего поверенного, вы, с точки зрения закона, признали подлинность тех документов. Вы стали соучастницей. И доказать обратное будет невозможно.

Я давал ей понять, что она в ловушке. В той самой западне, которую я приготовил для нее с самого начала. Просто на всякий случай. И этот случай настал.

– Но я... я ничего не подписывала! – выдохнула она, и в ее голосе прозвучало отчаяние. – Почему я пойду на каторгу, если подпись не моя?!

Я смотрел на ее бледное, искаженное страхом лицо без всякого сочувствия.

– А потому, Аглая Степановна, что в суде это будет выглядеть совершенно иначе, – я начал медленно, безжалостно объяснять ей всю геометрию ловушки. – Вы, получив акции, не заявили о подлоге. Напротив. Вы вели себя как полноправный акционер. И на собрании, вы прислали своего поверенного, господина Рекунова, с официальной доверенностью, чтобы он голосовал от вашего имени.

Я достал из кармана ту самую доверенность, которую мне передал стряпчий вместе с другими документами собрания.

– Вот она. Здесь – ваша настоящая подпись. А вот, – я вынул еще один документ, копию учредительного договора, – подпись, которую поставили за вас. Как вы думаете, сколько времени понадобится эксперту-графологу, чтобы доказать, что они сделаны разными людьми?

Она молчала, глядя на бумаги, как на змей.

– Но ведь и вы пострадаете! – наконец выкрикнула она, цепляясь за последнюю соломинку.

– Я? – я удивленно вскинул бровь. – Ничего подобного. Я лишь предположил, что подпись может быть поддельной. А кто ее подделал... да кто ж его знает. Я скажу, что бумаги мне передал ваш поверенный, господин Рекунов. Я в каллиграфии не разбираюсь. Так что я был уверен, что все законно!

Аглая с отчаяньем смотрела на меня, и в глазах ее гаснет последняя надежда. Она поняла: перед законом я был чист. А она, своими собственными действиями, своим голосованием на собрании, сама залезла в петлю, молчаливо призна-

ла себя участницей подлога.

– Итак, – я снова вернулся к текущим делам, – еще раз предлагаю вам подписать бумаги о продаже мне акций. Продажа вашего пакета по номинальной стоимости. Два миллиона рублей. Я считаю, это весьма щедрая плата за молчание и свободу.

Она долго смотрела в одну точку, на обивку кресла. В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как тикают часы в холле. Я видел, как в ней борются гордость, жадность, страх и ненависть ко мне.

– Мне... мне нужно подумать, – наконец прошептала она, не поднимая глаз.

– Думайте, – я кивнул. – Только не слишком долго. У меня много дел.

– Завтра, – сказала она. – Приходите завтра в это же время.

– Хорошо, – согласился я. – Как раз я подготовлю необходимые бумаги.

Я вышел из ее номера с чувством завершенности. Жесткой, грязной, но необходимой.

На следующий день, с утра пораньше, когда я, выпавшись, как никогда в жизни, пил утренний чай, в дверь моего номера громко и требовательно постучали. Я открыл, думая, что это посыльный от Лопатина или, может быть, пришел Рекунов с ответом от своей хозяйки.

Но на пороге стояли не они. На пороге стояли двое. Офи-

цер в голубом жандармском мундире. И двое усатых нижних чинов с саблями наголо.

– Господин Тарановский? – спросил офицер, и его голос был холоден, как байкальский лед.

Я молча кивнул.

– Прошу следовать за мной!

Глава 2

– Вам надлежит немедленно проехать с нами, – произнес офицер тем же бесстрастным тоном.

В голове молнией пронеслись варианты. Аглая? Неужели решилась на крайние меры после нашего вчерашнего разговора? Сибиряков? Слишком прямолинейно для него, он предпочитал действовать чужими руками. Или тот сретенский чиновник, наводчик бандитов... Дотянулись-таки его связи?

– Куда? По какому делу? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

– Вам все объяснят на месте. Прошу одеваться.

Это был не приказ, но и не просьба. Это была констатация факта. Я медленно вернулся в комнату, чувствуя на спине тяжелые взгляды. Один из нижних чинов вошел следом и встал у двери. Обыск был поверхностным, почти формальным. Он лишь бегло, почти формально, ощупал бока и карманы сюртука. Сердце на миг замерло, когда рука жандарма скользнула по левому боку, там, где под сюртуком, в плоской кожаной кобуре, покоился мой верный «Лефоше». Но рука прошла мимо, не заметив или сделав вид, что не заметила, смертоносный металл. Расставаться с последним шансом я не собирался.

Меня посадили в приличные крытые сани, запряженные

парой сытых лошадей. Офицер сел напротив. Двое его подчиненных разместились на козлах. Правда я успел заметить, как один из казаков увидел происходящее и быстро оседлав коня, двинулся следом, что уже не плохо.

– Позвольте все же узнать, в чем меня обвиняют? – предпринял я еще одну попытку.

Офицер ответил ледяным молчанием, глядя сквозь меня на заснеженные улицы Иркутска.

Мы ехали в полной тишине, нарушаемой лишь скрипом полозьев и фырканием лошадей. Я лихорадочно перебирал в уме все свои грехи – прошлые и настоящие. Куда меня везут? В тюремный замок? В жандармское управление на допрос? Или, может, это инсценировка, и за ближайшим поворотом меня ждет глухой переулочек и нож под ребро от людей Сибирякова? Эта неизвестность была хуже любой определенности.

Наконец, сани замедлили ход и остановились. Я выглянул наружу мы стояли не у тюрьмы и не у полицейского управления. Мы стояли у самого величественного здания в городе – Дворца генерал-губернатора.

Меня провели через анфиладу гулких приемных и коридоров, где со стен на меня строго взирали портреты суровых сибирских наместников. Скрип сапог конвоя эхом отдавался в тишине. Наконец, одна из массивных дубовых дверей отворилась.

– Ожидайте здесь, – бросил офицер.

Меня втолкнули внутрь, и дверь за моей спиной с глухим стуком захлопнулась. Щелкнул замок.

Я остался один. В огромном, пустом кабинете с высоченными потолками и окнами от пола до потолка, за которыми вихрилась снежная пыль. В золоченой клетке, в самом сердце сибирской власти, ожидая приговора, суть которого была мне неизвестна. Время тянулось мучительно долго. Тиканье огромных напольных часов в углу отсчитывало секунды, и каждый удар отдавался в гулкой тишине, как молот судьбы.

Наконец, за дверью послышались шаги. Замок щелкнул, и в кабинет вошел невысокий, но крепкий пожилой мужчина в генеральском мундире без лишнего шитья. Сухое, обветренное лицо, усталые, но пронзительные глаза под седыми, густыми бровями. Я узнал его по портретам. Михаил Семенович Корсаков. Генерал-губернатор Восточной Сибири, соратник великого Муравьева-Амурского, один из тех первопроходцев, что присоединили к Империи огромные земли, а теперь превратились в их главных администраторов. Человек, чьим именем уже назвали порт на Тихом океане.

Он прошел к своему огромному письменному столу, не удостоив меня даже беглым взглядом. Мои глаза невольно проследили за ним, отмечая детали. На стенах – гигантские карты Сибири и Приамурья, испещренные пометками, портрет Государя, скрещенные наградные сабли. Но на столе, рядом с аккуратными стопками официальных бумаг, лежали инженерные журналы и несколько образцов руды. Хозяин

этого кабинета был не просто сатрапом. Он был строителем.

Он сел за стол, но сесть мне не предложил. Несколько долгих, невыносимых секунд он молча, изучающе смотрел на меня. Это был взгляд человека, привыкшего видеть людей насквозь – и каторжников, и купцов, и чиновников.

– Господин Тарановский, – наконец произнес он, и его голос, тихий и ровный, прозвучал в тишине кабинета оглушительно. – Несколько дней назад я получил донесение от наказного атамана Амурского казачьего войска.

В моей голове все встало на свои места. Гольцов. Старый лис сдержал слово, но не так, как я ожидал. Он доложил по инстанции.

– В донесении говорится, – продолжил Корсаков, сцепив пальцы, – что группа забайкальских казаков, самовольно нанятая вами, пересекла государственную границу и вторглась на территорию Цинской империи. Более того, эта группа вела там боевые действия, участвовала в штурме укрепленного поселения и, как я понимаю, имела успех.

Он сделал паузу, и его усталые глаза впились в меня, требуя ответа.

– Господин Тарановский, вы понимаете, что это называется *частная война*? Вы, подданный Российской Империи, без всякого приказа и разрешения, повели за собой государевых служивых людей воевать на чужой земле. Я еще не получил официальной ноты от китайцев, но она, несомненно, последует. И это будет международный скандал, который может

поставить под угрозу все договоры, подписанные покойным графом Муравьевым.

Он откинулся на спинку кресла, и тишина в кабинете стала еще более гнетущей.

– Объяснитесь.

Слово повисло в гулком, пропитанном властью воздухе кабинета. Я сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями. Сейчас каждое слово имело вес. Маска смиренного просителя здесь не поможет. Передо мной сидел не просто чиновник, а человек, сам прорубавший для Империи окно на Восток. И говорить с ним нужно было на его языке – языке фактов и силы.

– Позвольте доложить, ваше превосходительство, – голос мой звучал ровно, почти бесстрастно. – Я не начинал эту войну. В начале осени банда хунхузов, ведомая неким Тулишэнем, вторглась на русскую территорию. Они сожгли дотла несколько стойбищ наших союзников-нанайцев, а затем напали на мой прииск Амбани-Бира, вырезав часть гарнизона. Я лишь преследовал разбойников и убийц. И так уж вышло, что их главное логово оказалось за рекой.

– Это называется самосуд, господин Тарановский! – жестко прервал меня Корсаков. – Существуют границы, законы, рапорты! Вы должны были доложить ближайшему воинскому начальнику, а не устраивать карательную экспедицию, словно вы сами себе хан и богдыхан!

Я сделал шаг вперед, и спокойствие слетело с меня, как

маска. Вся несправедливость, вся ярость последних месяцев – за убитых товарищей, за сожженные поселения, за это вот казенное, слепое равнодушие – вскипела во мне.

– Какие законы, ваше превосходительство?! – мой голос зазвенел, отражаясь от высоких потолков. – Где были ваши законы и ваши казачьи разъезды, когда они резали моих людей и союзных нам нанайцев на нашей земле?! Ваш предшественник, покойный граф Муравьев, верно показал, как надо говорить с теми, кто живет за Амуром. Они уважают только силу и презирают слабость! Этот край держится не на параграфах уложений, а на страхе перед русским штыком! И когда этот страх уходит, сюда немедленно приходит резня! И поняв, что нас можно грабить без ответа, придут другие и весь край потонул бы в огне и крови!

Лицо генерал-губернатора побагровело. Он медленно поднялся из-за стола, опираясь костяшками пальцев на полированную столешницу.

– Да кто вы такой, чтобы судить о моей работе?! – проревел он, и в его голосе заклокотал гнев оскорбленной власти. – Чтобы поучать меня, как управлять этим краем?! Вы – авантюрист, который своей безрассудностью едва не поджег всю границу!

– А помните ли вы, что Ермак Тимофеевич был никто иной как главарь частной армии? – не отступая, парировал я. – А кем был Хабаров? Тот еще авантюрист! Но именно эти люди заложили фундамент нашего господства над этим

диким краем! Наконец, — я посмотрел ему прямо в глаза, нанося самый точный удар, — не припомните ли вы, как некто Невельский, нарушив все прямые запреты Петербурга, вошел в устье Амура и основал там пост, поставив столицу перед фактом? Ведь вы были этому соучастником, не так ли?

На мгновение в кабинете повисла звенящая тишина. Упоминание Невельского, чья дерзость была одновременно и славой, и вечной головной болью для официальной власти, было ударом ниже пояса. Корсаков замер, его гнев сменился ошеломлением.

И, не давая ему опомниться, я бросил свой главный козырь.

— А вы знаете, кто на самом деле поджигает границу, ваше превосходительство?! Вы знаете, что за спиной этих хунхузов уже стоят англичане?!

Мой вопрос об англичанах повис в звенящей тишине кабинета. Ярость на лице Корсакова медленно сменилась ошеломленным недоверием.

— Что за вздор? — наконец выдавил он, опускаясь в свое кресло. — Какие еще англичане? Вы в своем уме?

Не говоря ни слова, я шагнул к столу. Из внутреннего кармана сюртука я извлек плотный, обернутый в промасленную кожу пакет — те самые трофейные бумаги, что я вывез из Маньчжурии. Пакет с глухим стуком лег на полированную столешницу, прямо поверх официальных рапортов.

— Вот, ваше превосходительство. Доказательства. Все, что

вам нужно знать о настоящих хозяевах Маньчжурии.

Хмурясь, Корсаков недоверчиво потянул пакет к себе. Пока его пальцы развязывали тесемки, я начал свой краткий, по-военному четкий доклад.

– Это – детальные геологические карты Маньчжурии и Амура составленные британскими инженерами. На них отмечены богатейшие россыпи, до которых мы с вами еще даже не добрались. Это план британской торговой компании по созданию концессии на этих землях. А это, – я ткнул пальцем в пачку бумаг, исписанных корявыми иероглифами и аккуратной английской вязью, – прямое доказательство связи хунхузов с неким «мистером Текко» и накладные на поставку современного европейского оружия через порт Тяньцзинь.

Генерал-губернатор, до этого лишь брезгливо перебиравший бумаги, замер. Его взгляд впился в строки на английском. Шуршание бумаги в наступившей тишине казалось оглушительным. Пока ошеломленный правитель Сибири изучал документы, я нанес завершающий удар.

– В Маньчжурии, пользуясь слабостью цинской власти, хозяйничают не просто бандиты, ваше превосходительство. Там действуют агенты британской короны. Они подминают под себя регион, его ресурсы, и готовятся создать там, на самых границах России, свое вассальное, полностью подконтрольное им государство. Если мы сейчас будем действовать не так решительно и смело, как действовал покойный граф

Муравьев, то завтра увидим на китайском берегу Амура английский форт с пушками. Что тогда будет с нашей навигацией по Амуру и самим краем?

Корсаков медленно поднял на меня тяжелый, задумчивый взгляд. В его глазах больше не было гнева. Был шок, недоверие и глубокая, тревожная тень. Он молчал долго, постукивая пальцами по столу, затем снова склонился над бумагами.

– Интересные бумаги, господин Тарановский, – наконец медленно произнес он. – Очень интересные. И как удачно они у вас оказались... Почти как оправдание. Я изучу эти документы. Самым тщательным образом.

Он выпрямился, и его голос снова обрел официальный, ледяной тон.

– А пока расследование по вашему делу о самоуправстве будет приостановлено. Но покинуть Иркутск без моего личного разрешения я вам запрещаю. Дадите в приемной подписку о невыезде. Вы свободны. Пока.

Я вышел из кабинета генерал-губернатора и медленно пошел по гулким коридорам дворца. Свободен. Но подписка о невыезде, которую я оставил в приемной, была похуже любых кандалов. Это была клетка, пусть и позолоченная, размером с Иркутск. Я выиграл время, но проиграл пространство.

На улице, в синих сумерках, меня ждали уже казаки. Они стояли у саней, напряженные, как взведенные курки, готовые к худшему – к бою, к погоне, к попытке отбить меня у

конвоя. Увидев, что я вышел один, без жандармов, их суровые, обветренные лица на миг дрогнули. Кто-то облегченно выдохнул, выпустив в морозный воздух густое облако пара, кто-то молча перекрестился. Они не задавали вопросов. Им все было ясно без слов.

Вернувшись в гостиницу, я не стал ни ужинать, ни отдыхать. Усталости не было. Была лишь злая, деловая решимость. Пока я заперт здесь, мои враги – и Сибиряков, и Аглая, и таинственный «мистер Текко» – будут действовать. Плести интриги, подкупать чиновников, укреплять свои позиции. Мне нужно было их опередить.

Раз я не могу сейчас вернуться в свою таежную крепость, значит, нужно строить новую крепость здесь, в Иркутске. Укрепить свои позиции, найти новых, неожиданных союзников и подготовить почву для будущих сражений, которые теперь будут вестись бумагой и золотом.

Я вошел в свой номер, чтобы в тишине обдумать план действий, и увидел на столе аккуратно сложенный лист бумаги. Записка, которую, очевидно, оставил для меня половой. Я развернул ее.

Аккуратный, бисерный почерк принадлежал Михаилу Васильевичу Загоскину:

«Владислав Антонович, не извольте гневаться за назойливость. Собрание почтеннейшего купечества по университетскому вопросу состоится завтра, в полдень, в здании Главного Управления. Ваше присутствие и, смею надеять-

ся, веское слово были бы бесценны. С почтением, М. Загоскин.»

Я медленно перечитал записку. Университет... Какая ирония. Одна война, война с саблями и ружьями, временно приостановлена. Но тут же, не давая мне ни единой минуты на передышку, начинается другая. Война за умы, за влияние, за будущее этого края.

И, возможно, именно она окажется самой главной.

Глава 3

На следующий день, в назначенное время, я снова был во дворце генерал-губернатора. В одном из залов уже собралось человек двадцать – самые тугие кошельки Иркутска, цвет местного купечества. Здесь были и богатейшие купцы Иркутска – братья Баснины, и старик Трапезников, и мой новый союзник Лопатин. Сибирякова позвали, но то ли он не захотел прийти, то ли еще чего.

Загоскин произнес пламенную, полную высоких идей речь о будущем Сибири, о науке и просвещении. Он говорил о чести, о долге перед потомками. Его слушали, вежливо кивая, поглаживая окладистые бороды, но в глазах большинства я видел лишь скуку и вежливое недоумение. Университет? Зачем? Учить дармоедов? Они готовы были дать на церковь, на приют для сирот, но «наука» – это было что-то далекое, чужое и, главное, совершенно бесполезное для их оборотов.

Когда Загоскин, отчаявшись достучаться до их сердец, закончил, я попросил слова.

– Господа купцы, – начал я, обращаясь не к их совести, а к их главному богу – прибыли. – Михаил Васильевич говорил о высоких материях. А я скажу вам по-простому. Университет – это не про книги. Это про деньги.

По залу прошел удивленный шепоток.

– Это про горных инженеров, – продолжал я, – которые приедут к вам на прииски и найдут новые золотые жилы. Про юристов, которые составят для вас такие договора, что ни один чиновник не сможет к вам подкопаться. Про врачей, которые не дадут вашим рабочим умирать от цинги. А ваши дети? Вы хотите, чтобы они всю жизнь провели здесь, в золотой, но грязной клетке? Чтобы ходили по немощеным тротуарам, рискуя сломать ногу, и выписывали каждый гвоздь и каждый веер для своих жен из Парижа? Университет, господа, – это не расход. Это самая выгодная инвестиция в наше общее дело.

Я взял со стола подписной лист.

– Я, со своей стороны, вношу первый взнос.

И, подойдя к столу, каллиграфическим почерком вывел: «Сто тысяч рублей серебром».

Прямо скажем, я ожидал, что мой жест подстегнет остальных. Но в ответ – тишина: почтенные купцы мялись, переглядывались. Кто-то пробормотал, что они уже недавно «скидывались» на открытие технического училища, «и хватит с них». Загоскин стоял бледный. Похоже, наша затея проваливалась.

И в этот самый миг двери зала распахнулись, и в помещение, весь окутанный паром, быстрым, хозяйским шагом вошел Сибиряков. Не раздеваясь и не обращая внимания на швейцара, он подошел прямо к столу, бегло глянул в подписной лист и резко повернулся к собравшимся. Полы его

роскошной собольей шубы развивались, роскошная меховая шапка лихо была заломлена на затылок. Он обвел зал гневным, тяжелым взглядом, задержав его на мне, и на его лице было написано все, что он думает о собрании, и обо мне в частности.

– Слыхал я тут про вашу затею, – пророкотал он. – И что же я вижу? Столичные господа, «шелкоперы», – он выразительно посмотрел на меня, – готовы радеть за наш край. Многотысячные суммы подписывают во основание университета. А мы, сибиряки, иркутяне, сидим да бороды чешем? Стыдно, господа!

С этими словами он взял у опешившего Загоскина подписной лист, макнул перо в чернильницу и широким, размашистым почерком, рядом с моим именем, вывел: «Двести тысяч рублей».

Это подействовало лучше любых речей. В зале ахнули. Если уж сам Сибиряков, первый скупец и прагматик Иркутска, швыряет такие деньги на «бесполезную» науку, значит, в этом действительно что-то есть!

– Эх, была не была! – крикнул Лопатин и, протолкнувшись к столу, тут же вписал рядом «пятьдесят тысяч».

И процесс пошел. Не желая отставать от конкурентов, к столу потянулись и Баснин, и Трапезников, и остальные. Тугие сибирские кошельки, нехотя, со скрипом, но все же раскрывались.

Пока происходила подписка, я стоял и смотрел на Си-

биякова. Он тоже взглянул на меня – холодным, трезвым взглядом волка, который, ненавидя своего сотоварища, объединился с ним, чтобы завалить большого зверя. Наше личное противостояние никуда не делось. Но сегодня, в этом зале, мы оба, каждый по своим причинам, служили Сибири.

Успех с подпиской окрылил Загоскина. Он был счастлив, как ребенок, и, провожая меня из губернаторского дворца, без умолку строил планы о будущих факультетах и профессуре.

– Спасибо вам, Владислав Антонович! Вы сегодня сделали для Сибири больше, чем все министры за десять лет!

– Это только начало, Михаил Васильевич, – ответил я. – А теперь, если позволите, вернемся к моим, более приземленным делам. Как продвигаются расчеты по бумагам Сибирякова?

Он тут же посерьезнел.

– Почти готово. Я сидел над ними всю ночь. Завтра утром полный отчет будет у вас. И смею заверить, – в его глазах блеснул хищный огонек, – цифры вас весьма позабавят.

На следующий день курьер доставил мне в гостиницу толстый пакет. Внутри, на гербовой бумаге, аккуратным, бисерным почерком Загоскина была изложена вся подноготная экспедиции Сибирякова. Первый же взгляд на них несказанно меня порадовал: Михаил Васильевич, используя свои знания казенных расценок и средних рыночных цен, разнес смету моего оппонента в пух и прах. По его данным, реальные

расходы Сибирякова на людей, фураж и перевозки составили не шестьсот тысяч, как тот заявлял, а всего сто сорок семь тысяч рублей. Почти вчетверо меньше!

С этими бумагами я, не теряя времени, отправился в Иркутский губернский суд, чтобы подать иск о мошенничестве. Меня принял секретарь Гражданской палаты, маленький, похожий на мышь чиновник в засаленном сюртуке. Он долго и брезгливо изучал мои бумаги, а затем поднял на меня свои водянистые глазки.

– Де-ело-то ваше, господин Тарановский, сложное, – процедил он, растягивая слова. – Запутанное. Тут следствие надобно проводить, свидетелей опрашивать... А господин Сибиряков, – он многозначительно кашлянул, – персона в городе весьма уважаемая. Так что дело ваше, боюсь, ляжет в очередь. В общую. Может, к весне и начнем потихоньку...

Я слушал его и понимал, что попал в вязкое, непроходимое бюрократическое болото. Ждать весны было равносильно поражению. Нужен был человек, который знал все подводные камни этого болота.

Не теряя времени, я тут же отправился к Лопатину. Тот, выслушав меня, лишь хмыкнул.

– Известное дело! Вся наша судебная братия у Михал Александрыча с руки кормится. Тут напрямик не пройдешь... тут шуку надобно. И есть у меня на примете такая «шука».

Он тут же послал за местным стряпчим, прозванным в ку-

печеских кругах «Иркутским Крючкотвором». Этот сутяга, мелкий, юркий, с бегающими глазками, взялся за дело с азартом гончей, почуявшей зверя. Пробежав глазами мои бумаги и расчеты Загоскина, он потер руки.

– О-хо-хо, какое дело знатное! – проскрипел он. – Какое вкусное! Тут не на один месяц тяжбы хватит! Сделаем, господин хороший, все сделаем! Запустим бумагу по всем инстанциям, жалобу в Сенат напишем, свидетелей подкупим... э-э-э... то есть, найдем. К весне ваш Сибиряков у нас как миленький будет!

– Мне нужно не к весне. Мне нужно через две недели, – отрезал я.

Стряпчий поперхнулся.

– За две н-недели?! Да это ж никак невозможно!

– Это ваша забота, – сказал я, кладя на стол перед ним пачку ассигнаций. – Чтобы к моему отъезду дело уже было запущено и обратного ходу не имело.

Пока Лопатин со своим юрким стряпчим закручивали маховик судебной войны против Сибирякова, меня все сильнее терзала другая, куда более насущная проблема. Время уходило. Зима вступала в свои права, и я с ужасом понимал, что застреваю здесь, в этом сытом, самодовольном Иркутске, в то время как все мои настоящие дела были там – на ледяных просторах Бодайбо, в амурской тайге и в далеком Петербурге.

Нужно было ехать. Ехать немедленно, по свежему санно-

му пути, пока не ударили настоящие, сковывающие любое движение морозы. Нужно было в столицу – оплачивать и заказывать новое оборудование, встречаться с Кокоревым.

Нужно было на Бодайбо – контролировать расследование, помогать новой администрации.

Нужно было наконец-то встретиться с Ольгой...

Но я не мог. Подписка о невыезде, которую я дал генерал-губернатору Корсакову, держала меня здесь крепче любой тюремной цепи. Я был вроде бы свободен, богат, влиятелен, мог снять лучший номер в гостинице, обедать во французской ресторации, швыряться деньгами направо и налево. Но я не мог покинуть этот город. Я оказался в золотой клетке, и это бессилие бесило меня куда больше любой каторжной цепи.

Я перебирал в голове варианты. Плюнуть на все и сбежать? Глупо. Меня тут же объявят в розыск, и тогда уже никакой Великий князь не поможет. Ждать, пока закончится следствие Корсакова по «маньчжурскому делу»? Это могло затянуться на месяцы. Выход был только один. Идти напролом.

Но к счастью, у меня теперь были подвязки в Главном управлении Восточной Сибири. И я снова отправился во дворец генерал-губернатора, на этот раз – напрямик к Загоскину. Он оказался в том же кабинете, заваленном бумагами.

– Михаил Васильевич, – начал я без предисловий, – мне нужна ваша помощь.

Без долгих предисловий я изложил ему всю ситуацию. Рассказал и о необходимости срочно ехать в Петербург – и по делам Общества, и по своим личным. Объяснил, что подписка о невыезде связывает меня по рукам и ногам, ставя под угрозу все наше предприятие.

– Вы должны поговорить с его превосходительством, – закончил я. – Убедить его отпустить меня.

Загоскин слушал, нахмурившись.

– Дело непростое, Владислав Антонович, – сказал он, покачивая головой. – После вашей... э-э-э... амурской экспедиции жандармское управление взяло вас в серьезную разработку. Для них вы – опасный авантюрист. Корсаков отпустит вас только в одном случае: если ваша поездка в столицу будет выгодна не только вам, но и ему. Государству.

– Так я и еду по делам государственным! – воскликнул я. – Михаил Васильевич, пока я заперт здесь, наши с вами великие планы стоят на месте. Оборудование, которое я заказал, нужно оплачивать. Новые технологии золотодобычи, те самые, что дадут средства для преобразования Сибири. Ну и самое главное – надо обсудить с августейшими особами о новых проектах, о развитии Сибири. Я предлагаю вам сделку: вы помогаете мне снять подписку, а я, будучи в столице, стану вашим неофициальным послом, вашим лоббистом. Я буду говорить от вашего имени там, куда вас, возможно, и не допустят.

Загоскин страшно заинтересовался и обещал поговорить

с генерал-губернатором Корсаковым.

На следующий день он пригласил меня к себе снова. Вид у него был озабоченный.

– Говорил я с его превосходительством, – начал он, – и с начальником жандармской управы тоже. Они стоят на своем. Считают вас фигурой... беспокойной. Отпускать боятся. Нужны более веские аргументы, Владислав Антонович. Что-то, что заинтересует сам Петербург.

Я развернул на его столе карту Сибири.

– Михаил Васильевич, – сказал я. – Телеграф, который строят американцы, – это хорошо. Но это – связь. А нам нужна дорога. Железная дорога, по которой можно будет проезжать через Сибирь из края в край не за полгода, как сейчас, а в две недели. Артерии, по которым потечет жизнь.

Загоскин вдруг страшно возбудился.

– Да, Владислав Антонович! Как же вы угадали мои мысли! Это именно то, о чем и я сам думал уже многие годы!

– О чем же вы думали? Это любопытно! – улыбнулся я.

– О канале! – с жаром воскликнул он. – Я давно уже подавал проект! Соединить Обь с Енисеем! Представляете, какой это будет путь? Из Европы – прямо в сердце Сибири!

Я покачал головой.

– Канал? Михаил Васильевич, это прошлый век! Пока вы будете его копать двадцать лет, англичане построят три железных дороги. Канал замерзает на полгода, а дорога – работает круглый год. А главное – скорость! В будущем победит

тот, кто будет быстрее доставлять грузы! Нет, нам нужно не это.

Загоскин грустно покачал головой.

– Но Владислав Антонович, вы же понимаете, что железная дорога – дело дорогое! Тут в Европейской-то России еще далеко не все дороги построены, а тут – к нам, в Сибирь... Это сотни миллионов рублей и многие-многие годы!

– Не совсем так, Михаил Васильевич!

Мой палец уперся в карту, в точку, обозначающую Иркутск, и прочертил короткую, но такую важную линию на север.

– Вот, смотрите. Главная наша беда – оторванность Ленского бассейна. Чтобы доставить на Бодайбо мешок муки, его нужно везти на лошадях сотни верст по бездорожью до Качуга, а потом перегружать на баржи. Это долго и довольно-таки дорого. А что, если мы построим короткую, всего триста верст, ветку отсюда, от Ангары в районе Заярска, до Усть-Кута, где Лена уже глубока и судоходна.

Загоскин замер, впившись взглядом в карту. Он, экономист, знавший этот край как свои пять пальцев, в один миг осознал весь масштаб идеи.

– Боже мой... – выдохнул он. – Ангара-Лена... Да ведь это... это ключ ко всему Северу!

– Именно, – кивнул я. – Тот, кто построит эту дорогу, будет контролировать все снабжение Якутска, Бодайбо, всей Лены! Пушнина, золото, провиант – все пойдет по ней! Это

будет наш первый, сибирский путь – пробный шар перед строительством Великого Сибирского пути.

Я смотрел на его горящие, восторженные глаза.

– Вот об этом я и хочу говорить в Петербурге, Михаил Васильевич. С Великим князем Константином. И с господином Кокоревым, что стал, не без моей помощи, главноуправляющим ГОРЖД. Это проект, который изменит Сибирь навсегда. И мне кажется, его превосходительство, генерал-губернатор, не захочет остаться в стороне от такого великого дела. Как думаете?

Он не ответил. Сначала он долго вглядывался в карту, будто видел на бумаге невероятные сибирские просторы. Затем просто взял со стола чистый лист бумаги и перо.

– Диктуйте, Владислав Антонович, – сказал он тихо. – Будем составлять докладную записку для его превосходительства. Немедленно!

Загоскин, вооруженный нашими совместными расчетами и чертежами, добился аудиенции у Корсакова. Через два дня меня снова вызвали во дворец.

На этот раз генерал-губернатор был почти любезен. Он долго ходил по кабинету, заложив руки за спину, а затем остановился передо мной.

– Ваши планы, господин Тарановский, признаюсь, поражают размахом, – сказал он. – Соединить Лену с Ангарой... Это меняет всю транспортную карту Сибири. Я переговорю с Петербургом. Возможно, для обсуждения вашего проекта

на высшем уровне ваше личное присутствие в столице действительно будет нелишним.

Я почувствовал облегчение. Победа.

– Но, – он поднял палец, и его глаза холодно блеснули, – до окончания следствия по «маньчжурскому делу» вы все еще остаетесь... под подозрением. И отпускать вас одного я не намерен.

Он позвонил в колокольчик. В кабинет вошел адъютант.

– Ваше превосходительство?

– Пригласите ротмистра Соколова.

Через минуту дверь снова открылась, и в кабинет, чекая шаг, вошел жандармский офицер. Высокий, подтянутый, с холодными, пронзительными серыми глазами и тонкими, плотно сжатыми губами. Я сразу понял – это не простой служака. Это ищейка, доверенное лицо сибирской администрации.

– Ротмистр, Соколов – обратился к нему Корсаков. – Представляю вам господина Тарановского. Вам надлежит сопровождать его в поездке до Санкт-Петербурга. Вы отвечаете за его безопасность. И за то, чтобы он не отклонялся от маршрута и явился в столицу точно в срок.

Задача ясна?

– Так точно, ваше превосходительство! – гаркнул ротмистр, щелкнув каблуками.

– Вот, господин Тарановский, – Корсаков повернулся ко мне с едва заметной усмешкой. – Ваше жандармское сопро-

вождение. Можете считать ротмистра Соколова вашим ангелом-хранителем.

Я смотрел на холодное, непроницаемое лицо ротмистра и с абсолютной ясностью понимал, что это, по сути – мой новый тюремщик. Вежливый, корректный, безупречно одетый, но тюремщик. Мое долгое путешествие в столицу, от которого зависело все мое будущее, теперь должно было пройти под неусыпным надзором одного из лучших псов политического сыска. Это была не свобода. Это был лишь поводок, который стал немного длиннее.

И все же – это лучше, чем ничего.

Глава 4

В день перед отъездом из Иркутска я решил поставить последнюю, жирную точку в моих отношениях с Аглаей Верещагиной. Встречу мы назначили не в гостинице, не в ее доме, а на нейтральной, казенной территории – в конторе у нотариуса, того самого, что посредничал на собрании акционеров «Сибирского Золота».

Несмотря на ранний час, Аглая Степановна пришла вовремя. Как я и ожидал, явилась она в сопровождении верного Рекунова. За те несколько дней, что прошли со дня собрания, она, казалось, постарела на несколько лет. Бледная, с темными кругами под глазами, Верещагина держалась с ледяным, надменным достоинством, но я видел, что это лишь маска, скрывающая страшную усталость и глубокие переживания. Мой ультиматум и угроза каторгой сделали свое дело.

Процедура была короткой и формальной. Нотариус, маленький, сухонький, похожий на мышонка старичок, дрожащим от волнения голосом зачитал договор: похоже, в его практике еще не встречалось сделок на такую сумму! Я первым подписал экземпляры договора. Аглая Степановна сначала все тщательно перечитала, затем некоторое время сидела, уставившись в одну точку. Пауза затягивалась. Наконец, Рекунов, бесшумно подойдя сзади, что-то прошептал ей. Будто очнувшись, Верещагина бросила на меня змеиный

взгляд и окунула перо в чернильницу.

Наконец, подписи были поставлены. Нотариус промокнул их песком, скрепил листы, и тяжелый стук его сургучной печати прозвучал в тишине, как удар молотка по крышке гроба.

– Господа, сделка по передаче двадцати тысяч акций акционерного общества «Сибирское Золото» от госпожи Верещагиной господину Тарановскому по номинальной цене – два миллиона рублей серебром, объявляется заключенной! – поржественно прошамкал стряпчий. – Господин Тарановский, прошу произвести расчет!

Без долгих разговоров я передал Верещагиной казначейский вексель. Она, не глядя, сунула его в ридикуль. Нотариус преподнес нам два экземпляра акта о совершении взаимных расчетов. Мы поставили свои подписи. Все было кончено.

– Ну что, Владислав Антонович, – произнес Рекунов, когда мы уже выходили на улицу, и в его голосе прозвучала плохо скрытая ненависть, – я надеюсь, вы довольны. Вы разорили вдову!

– Я? – я усмехнулся. – Это сделала ее собственная жадность и недоверчивость. Я лишь вернул свое.

Сама Аглая, казалось, уже смирилась. Она остановилась на пороге конторы, подняв на меня свои темные, опустошенные глаза.

– Владислав Антонович, – сказала она тихо, и в ее голосе

не было злости, лишь деловая усталость. – Вы своего добились. Что ж, ваша взяла. Но позвольте задать вам последний вопрос, уже не как партнеру, а как человеку, который видит, кажется, немного дальше других. Что мне теперь делать? Куда вкладывать деньги?

Я смотрел на эту сильную, умную, но сломленную женщину, и чувствовал, что во мне не было ни жалости к ней, ни злорадства. Все перегорело и покрылось пеплом. *C'est la vie!*

– Торгуйте чаем, Аглая Степановна, – наконец, ответил я. – Это у вас получается куда лучше, чем интриги. Дождитесь, когда мы построим железную дорогу. С паровозами ваш кяхтинский чай снова сможет тягаться с английским. Будущее – за паровозами, а не за верблюдами. Впрочем, «будущее» – это уже, как говорится, не ваша забота.

На этом я поклонился и, не оборачиваясь, зашагал прочь по заснеженной иркутской улице, оставляя ее одну, посреди руин ее чайной империи и несбывшихся золотых надежд.

На следующее утро, едва рассвело, наш маленький санный поезд тронулся из Иркутска на запад. Впереди – крытая кошева, где сидел я, рядом со мной – невозмутимый ротмистр Соколов. За нами – сани с моими пожитками и, главное, с окованным железом сундуком, в котором теперь лежало мое состояние: акции «Сибирского Золота» на два миллиона семьсот тысяч рублей и около семисот тысяч наличными деньгами. Конвоировали из двое моих казаков. Замыкал процессию десяток жандармов на крепких сибирских лоша-

дах.

Надо сказать, поначалу я сильно переживал из-за присутствия Соколова и его людей. Но, посмотрев на это дело с другой стороны, наоборот, обрадовался. Ведь десяток жандармов – это, как ни крути, отличная охрана, да еще и устроенная за счет казны! Осознав этот простой факт, я, оставив себе только двух самых опытных, тут же отправил остальных казаков во главе с Полозовым обратно на Бодайбо, щедро наградив и передав их в полное распоряжение Лопатина. Теперь главной моей охраной стали эти молчаливые люди в голубых мундирах. Ирония судьбы: меня, беглого каторжника, теперь охраняли от разбойников те самые псы государевы, которые еще год назад с радостью бы заковали меня в кандалы. Впрочем, я понимал, что охраняют они не столько меня, сколько мой капитал и те государственные тайны, носителем которых я поневоле стал. Ну а при ином раскладе я запросто стану их узником.

Мы ехали молча. Соколов, казалось, дремал, откинувшись на подушки, но я чувствовал на себе его цепкий, недремлющий взгляд. Он не был простым служакой. Это был умный, опасный аналитик из Третьего Отделения, и наша поездка была для него не просто «конвоем», а скорее партией в шахматы.

– Интересные у вас дела, господин Тарановский, – вдруг произнес он, не открывая глаз.

– Какие же? – насторожился я.

– Маньчжурия, золото, американцы... – он перечислял, загибая пальцы. – В Петербурге любят людей с размахом. И очень не одобряют, когда этот размах становится слишком уж... значительным. Особенно на границе.

– Я действую исключительно в интересах Российской Империи, – ответил я холодно. – Вы знаете историю, ротмистр? Кем был, например, Ермак? Простой атаман разбойничьей шайки, частное лицо. Но он завоевал Сибирь и прославлен теперь на веки вечные. А Хабаров, Дежнев? Все это были инициативные люди, находящиеся на границе, и не боящиеся эту границу перейти. И они вошли в историю как величайшие первопроходцы. Патриоты России. Может быть, и я окажусь в их числе...

– Не сомневаюсь, – усмехнулся он. – Именно это вы и будете доказывать в Петербурге. Если, конечно, мы туда доберемся.

Я промолчал. Мы оба прекрасно понимали, что главная опасность сейчас – не жандармы, а обычные разбойники. Слухи о баснословно богатом промышленнике, едущем из Иркутска, летели по тракту быстрее нашего поезда. И жандармский конвой был не столько моей тюрьмой, сколько единственной гарантией того, что я доеду до столицы живым.

Сани мерно скрипели, убегая все дальше на запад. Я смотрел на бескрайние, покрытые снегом поля, на редкие, утонувшие в сугробах деревушки, на бесконечную, уходящую

за горизонт тайгу. Пространства. Необозримые, пугающие, непокоренные. И мысль, уже ставшая для меня навязчивой, снова вернулась. Железная дорога. Только стальная нить пути, прошитая через эту огромную страну, могла сделать ее единой и сильной. Все, что я делал до сих пор, – золото, интриги, война, – все это было лишь прелюдией. Настоящее, главное дело было еще впереди.

Тобольск встретил нас оттепелью и колокольным звоном. Когда наши сани, разбрасывая комья грязного, талого снега, въехали в город, я едва узнал его. За те несколько месяцев, что меня не было, он, казалось, преобразился.

На подъезде к Тобольску, у заставы, наш санный поезд остановил караул. У шлагбаума стояла простая бревенчатая будка, из трубы которой валил густой дым. Заснеженные солдаты в тяжелых тулупах и папахах с сомнением разглядывали наш маленький отряд. Молодой, румяный от мороза офицер подошел к моей кошеве.

– Откуда и куда путь держите, господа? Документы для проверки! – бодро скомандовал он. Я молча, через окошко, протянул ему свой паспорт и подорожную, выписанную в Иркутске. Он взял их, мельком глянул и уже собирался вернуть, но тут его взгляд зацепился за фамилию. Он прочел ее еще раз, потом еще, и румянец медленно начал сходить с его щек. Он поднял на меня испуганные, вытаращенные глаза.

– Г-господин... Тарановский? – пролепетал он, и голос его подобострастно дрогнул. – Владислав Антонович? Ваше...

ваше высокоблагородие! Я молча, с самым непроницаемым видом, кивнул.

— Простите... я... я не знал... — он окончательно растерялся, залепетал что-то о «неожиданном визите» и «великой чести», затем резко обернулся к стоявшему навытяжку унтер-офицеру. На его лице офицера проступила свирепая гримаса: — Дубина! Чего стоишь, глазами хлопаешь?! — прошипел он. — Живо к губернатору! Доложить! Чтоб карету прислал! Немедленно!

Унтер, перепуганный не меньше его, стрелой сорвался с места и побежал в сторону города, придерживая на бегу смешно подпрыгивающую на поясе саблю. Офицер же, все еще бледный, отдавал команду поднять шлагбаум с таким видом, будто перед ним была по меньшей мере карета самого Государя Императора. Похоже, что эффект от моего предыдущего посещения, тот грандиозный скандал со стрельбой и поджогами, помноженный на слухи, пущенные хитроумным Изей, не только не утих, но и успел обрасти за эти месяцы самыми фантастическими подробностями.

Уже вскоре выяснилось, что переполох, который я устроил во время своего прошлого визита, произвел неизгладимое впечатление на местную администрацию. Помня о «ревизоре из Петербурга» с пугающими связями, меня встречали чуть ли не как наследника престола. Едва я успел разместиться на постоялом дворе, как явился адъютант от губернатора Деспот-Зеновича с покорнейшей просьбой почтить

его превосходительство чаепитием.

Пришлось ехать, захватив, разумеется, Соколова с собой. Губернатор был сама любезность. Он суетился, заискивающе заглядывал в глаза и сыпал отчетами, как из рога изобилия. Следствие по делу начальника тюрьмы Хвостова было проведено в рекордные сроки, виновные изобличены и ждали отправки на каторгу. Деньги, выделенные на приют, были под строжайшим контролем.

— А вот, соблаговолите взглянуть, Владислав Антонович! — с гордостью произнес он, подводя меня к окну. — Вашими стараниями!

Обернувшись, я увидел, что на другой стороне площади, в бывшем особняке Хвостова, действительно уже кипела работа. Здание было отремонтировано, выкрашено, над входом уже висела новенькая, пахнувшая свежей краской вывеска: «Тобольский сиротский приют имени Его Императорского Высочества...»..

Я смотрел на эту картину, и меня разбирал смех. Ощущение было такое, будто я — гоголевский Хлестаков, от одного имени которого вся губернская бюрократия встала на уши и начала лихорадочно изображать бурную деятельность. Даже ротмистр Соколов, сопровождавший меня, смотрел на все это с нескрываемым изумлением, видимо, пытаясь понять, какой же властью на самом деле обладает его странный «подопечный».

Вечером того же дня губернатор Деспот-Зенович устроил

в моей чести торжественный ужин. В большом зале его резиденции собрался весь цвет тобольского общества: городской голова, прокурор, жандармский офицер и, разумеется, все попечители сиротского приюта. Атмосфера была подбострастной до тошноты.

— Надолго ли осчастливили наш скромный город своим присутствием, Владислав Антонович? — спросил губернатор, заискивающе заглядывая мне в глаза. — Боюсь, что нет, ваше превосходительство, — ответил я. — Дела не ждут. Мне нужно поспеть в Екатеринбург до начала весенней распутицы.

При этих словах губернатор и остальные чиновники вздохнули с нескрываемым облегчением. Мое присутствие явно вносило сумятицу в их размеренную провинциальную жизнь. Впрочем, их можно было понять — прошлый мой визит вырвал из их славных рядов начальника тюремного острога. Что они могли ожидать от меня? Явно ничего хорошего!

Весь вечер попечители приюта наперебой расхваливали свои достижения, рассказывая, как они денно и нощно радуют о сиротах. Особенно усердствовал новый начальник тюремного замка, занявший место арестованного Хвостова. Он смотрел на меня с собачьей преданностью и, казалось, готов был целовать мне руки, ведь именно я, пусть и невольно, способствовал его головокружительной карьере.

Очень скоро мне стало скучно, и я прервал их славословия. — Что в России слышно, господа? Какие новости с по-

следней почтой?

Они тут же, наперебой, начали делиться столичными слухами. Дела у Главного Общества Российских Железных Дорог, как оказалось, шли неважно. Кокорев и барон Штиглиц, хоть и наводили порядок, но, по слухам, буквально надрывались, пытаясь разгрести ту гору проблем, что оставили после себя французы.

– А тут еще и польский мятеж этот... – вздохнул губернатор. – Показал всю гнилость Варшавской дороги. Войска, говорят, неделями к границе перебрасывали, такая там разруха.

– Впрочем, восстание почти подавлено, – с гордостью вставил новый начальник тюрьмы. – Нам в острог уже первые партии мятежников поступили. Ждем еще! Я слушал их, и ледяная рука сжала мое сердце. Польша. Восстание. Разруха на дорогах. Кокорев. Я вдруг с абсолютной ясностью понял, что должен быть там. Немедленно. Мой проект Ангаро-Ленской дороги, а главное – грандиозный проект Сибирской железной дороги – все это требовало, чтобы Кокорев удержался на своем посту.

– Ваше превосходительство, – обратился я к губернатору. – Я выезжаю завтра на рассвете. И мне нужны лучшие лошади, чтоб до распутицы успеть в Екатеринбург. Извольте посодействовать!

Губернатор, счастливый избавиться от такого беспокойного гостя, тут же засуетился, обещая выделить мне лучшую

тройку из своей личной конюшни.

Хорошие лошади оказались весьма кстати: мы добрались до Екатеринбурга, когда весна уже всюю заявила о своих правах. Снег сошел, обнажив черную, раскисшую землю, а дороги превратились в непролазную, чавкающую грязь. Дальнейший путь на санях стал невозможен. Короче, мы на-долго «застряли».

Но сидеть без дела, ожидая, пока просохнут тракты, я не собирался. Здесь, на Урале, билось промышленное сердце Империи. И здесь меня ждали дела.

Первым делом я отправился на Верх-Исетский завод Яковлевых, тот самый, где когда-то ворочал тяжелой кочергой плавящийся чугун, и где еще в прошлый свой визит разместил заказ на рельсы для ГОРЖД. Управляющий – Аристарх Степанович – встретил меня как родного. Тут же позвали мастера, отвечавшего за мой заказ. Пока мы пили чай, явился мастер – суровый, кряжистый старик, из тех, что начинали еще простыми мастерами и потом и кровью выслужили свой чин. Он доложил, что заказ почти готов, но отгрузить его до лета, пока не наладится речное сообщение, никак невозможно.

Я выслушал его и перешел к главному. – Меня сейчас интересует не этот заказ, а будущий, – сказал я. – Мне нужно триста верст рельсового пути. Для новой дороги, в Сибири. Ангаро-Ленской.

Аристарх Степанович аж присвистнул. Триста верст – это

был заказ колоссального, почти государственного масштаба.

– Сделаем, – подумав, кивнул он. – Сроки, правда, будут...

– Сроки – это важно, – прервал я его. – Но важнее того – цена. Она должна быть предельно низкой. Ниже казенной. Рубль за пуд!

На его лице отразилось недоумение, смешанное с обидой. – Да как же ниже-то, барин? – заворчал мастер. – Деды наши чугун лили, и мы льем, по той же методе. Все только дорожает – хлеб, уголь, рабочие руки. Дешевле – никак не выйдет! Рубль за пуд – это, простите, грабеж средь бела дня!

– А я и не прошу вас делать дешевле, – я подался вперед. – Я предлагаю вам сделать по-другому.

И начал излагать ему свой план. Я говорил с ними не как заказчик, а скорее как инженер и инвестор. О том, что их дедовские методы устарели. Что пока они варят сталь по старинке, в Европе и Америке уже всю используют новые процессы, которые позволяют получать металл вдвое дешевле и втрое быстрее. Заводской мастер поначалу хмурился.

– Какой еще «Томасовский» способ? – недоверчиво бурчал он. – Бессемер – слышали, пробовали, дрянь одна выходит, чугун у нас не тот.

– А я вам говорю – выйдет! – горячился я. – Везде выходит – почему в вас не получится? Дам вам денег на переоборудование, на постройку нового прокатного стана! Я привезу сюда инженеров, которые научат ваших мастеров работать

по-новому! И через год вы будете выпускать столько рельсов, что сможете озолотиться на одном только моем заказе. А главное – на всю Россию вашу цену никто перебить не сможет!

Аристарх Степанович слушал, и постепенно лицо его прояснялось. Конечно, он мог не понимать до конца моих слов о «конвертерах» и «фосфоре», но он прекрасно понимал язык цифр, себестоимости и прибыли.

– Интересные вы, сударь, вещи рассказываете, – наконец произнес он, и в его глазах блеснул огонек. – Очень интересно. Надо бы с хозяевами потолковать... И расчеты твои поглядеть.

Переговоры с заводчиками заняли почти неделю. Я предлагал 1 рубль за пуд рельсов, заводчики же хотели 1 рубль 70 копеек, – цена, по которой приобретало рельсы ГОРЖД. Наконец, мы ударили по рукам: я вкладывал в производство собственных триста тысяч серебром, входя в долю Верх-Исетского завода, и заказывал полтора миллиона пудов рельсов ценой 1 руб. 15 коп за пуд. На мои деньги на заводе должны были внедрить самый прогрессивный – томасовский – способ плавки стали, что и позволяло радикально снизить цену. Тяжелый, неповоротливый маховик уральской промышленности, смазанный жадой наживы и обещанием новых технологий, медленно, со скрипом, но все же начал поворачиваться в нужную мне сторону.

Но оставалась главная проблема. Как выбраться из этого

уральского тупика? Дороги, раскисшие от весенней распутицы, превратились в непроходимое болото. Телеграфа еще не было, а ехать на перекладных, застревая в грязи на каждой версте, означало потерять еще месяц, если не больше. А мне нужно было в Петербург. Срочно.

— Есть один путь, Владислав Антонович, — сказал мне старый управляющий Демидовского завода, когда я в очередной раз пожаловался ему на бездорожье.

— Быстрый. Но, — он хитро прищурился, — рискованный.

Я вопросительно поднял бровь.

— Вода, — пояснил он. — По Чусовой. Как только река вскрывается, мы отправляем вниз, до Камы, железные караваны. Барки, груженные чугуном, железом. До Перми дойдете за неделю, а оттуда до столицы уже рукой подать.

— В чем же риск? — не понял я.

— А в том, что Чусовая по весне — не река, а сущий дьявол, — он покачал головой. — Вода прет, пороги режут, скалы-«бойцы» по берегам стоят, только и ждут, чтобы борт у барки вспороть. Наши лоцманы — звери, конечно, знают реку, как свои пять пальцев. Проведут. Если, конечно, не боятся... и готовы хорошо заплатить за риск.

Боялся ли я? После всего, что я прошел, этот весенний сплав казался почти увеселительной прогулкой. В общем, я не раздумывал ни секунды.

Глава 5

Итак, решение было принято. Сидеть в Екатеринбурге, ожидая, пока раскисшие уральские дороги превратятся в нечто проезжее, означало потерять еще месяц, если не больше. А старый управляющий Верхне-Исетского завода, сам того не ведая, подсказал единственный верный путь.

Путь до Уткинской гавани на реке Чусовой, откуда отправлялись барки, составлял почти двести верст. Двести верст непролазной весенней каши, которую здесь с упрямством, достойным лучшего применения, называли дорогой. Мы выехали налегке, верхом: я, ротмистр Соколов и двое моих верных казаков, Семен Луговой и Трофим Рытвин. Лошади по брюхо вязли в чавкающей, ледяной грязи, и каждый шаг давался им с натужным, хриплым усилием. Я же чувствовал не столько усталость, сколько постоянное, ледяное напряжение, исходившее от седельных мешков. В них, завернутое в промасленную кожу, покоилось целое состояние – акции и увесистая пачка ассигнаций, мой пропуск в столичную жизнь и залог будущих побед. Даже ротмистр, с его аристократической выправкой, к концу второго дня пути выглядел измотанным и злым, проклиная про себя и эту страну, и меня вместе с ней.

Уткинская гавань встретила нас оглушительным гамом и лихорадочной суетой, будто мы попали в растревоженный

муравейник. Десятки неуклюжих, похожих на гигантские корыта барок-«коломенок», по самые борта нагруженные полосным железом, стояли у берега, готовые к отплытию. Воздух был пропитан запахом сырой древесины, дегтя и речной воды. Вода в реке, мутная и стремительная, прибывала на глазах: я понимал, что по всему Уралу заводчики спускают воду в своих запрудах, на несколько аршин поднимая уровень Чусовой. Простой и грубый, но гениальный в своей сути метод. По этой высокой воде тяжело груженные суда пройдут быстрее, миновав мели и подводные скалы. Но нужно было спешить.

На берегу и на палубах сновали сотни людей. Бурлаки – босые, в одних портах, с лицами, выдубленными ветром до состояния коры, – надрывно крича, тащили на себе последние связки железа. Приказчики выкрикивали распоряжения, лоцманы хмуро вглядывались в мутный, стремительный поток.

Я быстро нашел приказчика купца Собакина, которому, как я понял, принадлежала вся эта флотилия из полусотни судов. Представившись, я коротко изложил свою нужду. Тот, оценив мой дорогой сюртук, уверенный тон и, главное, вес моего аргумента в виде рублей, спорить не стал.

Нас разместили на флагманской барке, где в небольшой бревенчатой надстройке было три каморки. Одну, самую просторную, с узким окном, выходящим на реку, отвели мне и моим казакам. Ротмистр Соколов, с нескрываемым отвра-

щением оглядев «мужицкий» быт, грубо отесанную палубу и шалаши бурлаков, брезгливо поморщился.

— Я распределю своих людей по другим судам каравана, — холодно сообщил он. — Для лучшего надзора. Негоже нам всем тесниться на одном судне.

Я лишь усмехнулся про себя. Он просто не хотел делить кров с простыми казаками и жить в окружении этой дикой, первобытной силы. Что ж, его право. Да и мне так было спокойнее — меньше глаз будут следить за моими седельными мешками.

Протяжный, тоскливый крик лоцмана разорвал воздух. Бурлаки, работая огромными веслами-«потесями» на носу и корме, с натужным, согласованным кряканьем оттолкнули наше судно от берега. Барка медленно, как беременная медведица, отвалила от гавани. Земля поплыла назад. Подхваченное мощным течением, наше судно начало свой долгий, рискованный путь на запад.

Прощай, Азия! Здравствуй, Россия!

Первые дни плавания были обманчиво-спокойными, почти гипнотическими. Наша неуклюжая «коломенка», груженная железом донельзя, медленно ползла по течению, и в этой монотонности было что-то тихое и умиротворяющее. Дикие, поросшие темным хвойным лесом берега сменялись отвесными известняковыми утесами, которые бурлаки с суеверным уважением называли «бойцами». Воздух пах сырой древесиной, талым снегом и острой, смолистой свежестью.

Приказчик, видя мой интерес, охотно комментировал проплывающие мимо скалы, рассказывая их истории – кровавые, забавные, страшные.

– С этим бойцом надобно поздороваться, – с серьезным лицом пояснил он, когда из-за поворота показалась огромная серая скала, похожая на спящего великана. – Поверье есть, что по сю пору живет тут дух Ермака Тимофеевича. Не окажешь ему чести – не будет тебе на Чусовой удачи!

И действительно, едва мы поравнялись с утесом, «шишка» – старший бурлак – заорал, и два десятка хриплых, пропитых глоток дружно рывкнули в унисон:

– Ура, Ермак!

Эхо отбросило назад их дикий вопль, и я невольно усмехнулся.

Они не просто кричали. Они заключали договор с рекой, с ее духом, пытаясь задобрить стихию.

Я смотрел на эту первобытную мощь и думал о другом. О железной дороге. Каждый поворот, каждый опасный порог, каждая миля этого рискованного, сезонного пути лишь укрепляли меня в мысли: они молятся реке, а я построю бога, которому река будет вынуждена подчиниться. Бога из стали и пара.

– А вот и «Свадебный»! – весело крикнул приказчик, указывая на новую скалу.

– А отчего «Свадебный»? – спросил один из моих молодых казаков.

– Ну, как тебе сказать-то, паря... После свадьбы-то что бывает?

– Что? – не понял тот.

– То самое, когда детишек делают! Вот сейчас, после «Свадебного», у нас всё и начнется!

Он оказался прав. Река словно взбесилась. Она сузилась втрое, течение ускорилося до безумной скорости, и «бойцы» пошли один за другим: «Веер», «Печка», «Горчак».

Бурлаки, до этого лениво работавшие веслами, теперь надрывались, их тела блестели от пота, несмотря на ледяные брызги. Тяжеленная, инертная барка превратилась в щепку, которую швыряло от одного утеса к другому.

– Разбойник! – вдруг отчаянно прокричал кто-то на носу, и я увидел, как мужики начали торопливо креститься, бормоча молитвы.

Выплывавший из-за поворота серый скальный выход, казалось, ничем не отличался от пройденных, но в воздухе повис животный страх. Течение здесь, в самой узкой теснине, несло с яростью бешеного зверя, вода кипела и ревела. Наша барка, набрав чудовищную скорость, летела прямо на скалу.

– Левее бери! Табань, черти! – ревел приказчик, но я видел, что это бесполезно. Его голос тонул в грохоте воды. Мускульной силы двух десятков человек не хватало, чтобы свернуть с курса многотонную махину, несущуюся в стремнине. Кормовое весло, которым лоцман отчаянно пытал-

ся выправить курс, лишь создавало сопротивление, тормозя неуклюжий разворот.

Мы неслись на скалу. Ее мокрая, покрытая зеленым мхом поверхность неумолимо приближалась. Еще несколько секунд – и наш флагман с хрустом распорет себе борт о каменные клыки «Разбойника».

В этот миг внешний хаос для меня исчез. Мой мозг заработал с ледяной ясностью. Я видел не реку, а векторы сил. Инерция, течение, точка опоры. Они пытались повернуть барку, борясь с течением, но ее масса не позволяла этого сделать. Значит, нужно было не бороться. Нужно было использовать силу реки против нее самой.

– Бросай кормовое весло! – крикнул я лоцману, перекрывая рев воды.

Он обернулся, его лицо, мокрое от пота и брызг, было искажено яростью и недоумением.

– Ты что, барин, спятил?! Без руля останемся!

– Работай только носовыми! Всеми на левый борт! ВЫПОЛНЯТЬ! – рявкнул я тем голосом, которым отдавал приказы. Голосом, который не обсуждают.

Лоцман, матерясь сквозь зубы так, что краснели даже скалы, подчинился. Кормовая «потесь» была брошена. Лишенная тормоза, корма начала стремительно сближаться со скалой, но в тот же миг нос, подхваченный согласованным усилием бурлаков, резко пошел влево. Маневр был безумным, интуитивным, но он сработал.

Барка прошла в считанных дюймах от «Разбойника». Я слышал, как железо нашего груза с оглушительным скрежетом чиркнуло по камню, высекая сноп ярких искр. Запахло горелым металлом. Затем скала осталась позади. Мы проскочили.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь затихающим шумом воды, все смотрели на меня. Бурлаки тяжело дышали, опираясь на весла. Приказчик стоял с открытым ртом. Лощман, все еще не веря, долго смотрел на удаляющийся утес, затем на меня, и, смачно сплюнув в воду, медленно, с каким-то новым, тяжелым уважением кивнул.

Через пару дней мы добрались наконец-то до Камы. После яростной Чусовой эта река казалась ленивой, сонной и безопасной. Широкая, полноводная, она несла наши тяжелые барки по своему течению без всякого напряжения. Люди, измотанные диким сплавом, расслабились. Весеннее солнце припекало почти по-летнему, и даже мои казаки, обычно настороженные, как волки, разомлели, подставив солнцу свои бородатые лица. Я стоял на палубе, глядя на проплывающие мимо лесистые берега, и размышлял о Соколове. Мой «ангел-хранитель» большую часть времени проводил в своей каморке, выходя лишь для того, чтобы бросить на меня свой холодный, оценивающий взгляд.

– Что это? Никак, разбойники! Порфирий Семёнович, разбойники!

Тревожный крик бурлака с носа барки разорвал сонную

тишину. От лесистого мыса впереди, словно стоя хищных щук, отделилось несколько темных, перегруженных гребцами яликов. Они шли не по течению, а наперерез нашему каравану, и их целью, без сомнения, была наша флагманская барка.

– Дак а кто же ещё? Чай, не блины нам везут! – зло сплюнул один из моих казаков, Семен, вскидывая штуцер.

И тут с яликов донесся нестройный, хриплый рев множества глоток, от которого у меня в памяти всколыхнулось что-то из прочитанного о старых временах: «Сарынь на кичку!».

Дело стало ясным. То, чего так боялся приказчик, случилось.

Мои казаки уже заняли позиции за штабелями полосового железа. Я выхватил свой «Лефоше». Краем глаза я заметил, что бурлаки, как по команде, побросали свои дела, покорно отправились на нос коломенки и уселись там спиной к нам, всем своим видом демонстрируя: «нас это не касается».

– Мы этаких дел не касаемся, господин хороший! – виновато пробасил один из них, поймав мой яростный взгляд. – То беда господская, наше дело – сторона!

Я скрипнул зубами. Их можно было понять, но от этого было не легче. Нас было всего трое против целой ватаги. Ялики были уже совсем близко.

– Пали! – скомандовал я, и сухой треск наших штуцеров резким диссонансом пронесся над речной гладью.

Вокруг переднего ялика взметнулись фонтанчики брызг.

Раздался вопль, и один из гребцов выронил весло. Но остальные уже открыли ответный огонь. Над яликами расцвели облачка светло-серого дыма, и по борту нашей барки гулко застучали пули.

Разбойники, обозленные отпором, с удвоенной яростью налегали на весла. Они шли на abordаж. Еще минута – и они будут здесь. Пока я торопливо перезаряжал револьвер, один из яликов, самый большой, на носу которого стоял бородастый детина с топором, почти ткнулся в наш борт.

И в этот самый момент, когда столкновение казалось неминуемым, раздался короткий, злой хлопок, совершенно не похожий на грохот наших ружей.

Я обернулся. Ротмистр Соколов, до этого безучастно наблюдавший за происходящим из своей каюты, стоял на палубе. Он не прятался. Он стоял прямо, в своей безупречной форме, и в его руке дымился револьвер «Адамс». Его лицо было абсолютно спокойным, почти скупающим.

Грянул еще один выстрел. Бородач с топором на носу ялика вдруг дернулся, выронил оружие и молча рухнул за борт. Соколов, не меняя выражения лица, плавно перевел ствол. Еще выстрел. Другой разбойник, уже заносивший abordажный крюк, схватился за плечо и с воем повалился на дно лодки.

Ротмистр не стрелял, он работал. Холодно, методично, выцеливая и убирая главарей. Три выстрела – три упавших фигуры. Атака, лишившись предводителей, мгновенно за-

хлебнулась. Гребцы замерли, растерянно оглядываясь. Кто-то заорал, указывая на нас, и, разворачивая ялики так, что они едва не черпали бортом, разбойники бросились назад, к спасительному лесу.

Над рекой снова повисла тишина, нарушаемая лишь сто-нами раненого на соседней барке. Соколов, не говоря ни слова, так же хладнокровно выщелкнул стреляные гильзы и начал перезаряжать свой револьвер. Он поднял на меня свои серые, ничего не выражающие глаза.

Мой «ангел-хранитель». Мой тюремщик. И, как оказалось, профессиональный убийца. Наша поездка в Петербург только что стала намного интереснее.

Пока мы приходили в себя, один из бурлаков вдруг указал на воду. Из-за борта затопленного ялика, который медленно кружился в течении, показалась голова. Белобрысый парень, совсем еще юнец, дрожа от холода и страха, отчаянно цеплялся за просмоленный борт нашей баржи.

– Эй, паря, плыви, что ли, к нам! – с какой-то странной, сочувственной интонацией крикнул ему «шишка», старший бурлак. – Можно, ваше благородие? – обернулся он ко мне.

– Свяжите его. В ближайшем городе сдадим городовому, – мрачно бросил я.

– Никак невозможно, господин хороший! – тут же взмолились бурлаки, обступив меня.

Приказчик вздохнул, вытирая пот со лба.

– Господин Тарановский, надо бы этого отпустить, – ска-

зал он тихо. — Работники знают, что, когда будут возвращаться домой по берегам, разбойники им отомстят. За то, что не сидели смирно. Потому, как кричат им «Сарынь на кичку», так они и идут на нос барки, пока нас грабят.

Я слушал его, и во мне боролись злость и холодный расчет. Я, привыкший к тому, что врага уничтожают, столкнулся с другой, вязкой, как речной ил, логикой. Вечером, когда мы встали на якорь у пустынного берега, а бурлаки, накормив и обогрев спасенного разбойника, отправили его восвояси, приказчик подсел к нашему с Соколовым костру.

— На Каме еще не так, а вот на Волге — ухх! — начал он, раскуривая трубку. — Есть там у них главный, Иван Фадеич. Говорят беглый солдат. Обирает всех богатых, а особенно купцов! Как узнает, что какой купец едет с деньгами, подстережет, все заберет, но на дорогу всегда оставит и отпустит с миром.

Соколов, до этого молча чистивший свой револьвер, хмыкнул, но ничего не сказал.

— А бедных не трогает, — с явным уважением продолжал приказчик. — Напротив, иной раз и помогает. Одного помещика, что мужиков своих тиранил, навестил, советовал человеколюбивее быть, а то, мол, накажет. А у опекуна, что сироту притеснял, все деньги забрал да сироте и отдал. Одного исправника, взяточника большого, так и вовсе высек прилюдно!

Я слушал эти байки с профессиональным интересом. Это

был не просто разбой. Это была альтернативная власть, неписанный кодекс, рожденный в ответ на беззаконие власти официальной. Иван Фадеич был не атаманом шайки, он был вождем своей вольницы, судьей и защитником для тех, кому некуда было больше идти.

– И что, никакой управы на него нет? – спросил я.

Приказчик хитро усмехнулся.

– Ну, после случая с исправником, понятное дело, гонялись за ним. Раз окружили его в деревне, почитай, пятьсот человек – и казаки, и солдаты. А он что? Позвал хозяина избы, дал ему пятьсот рублей – а изба и ста не стоила – и велел поджигать. Как все запылало, народ расступился, а он на двух тройках сквозь огонь и дым – да и был таков! Казаки в погоню, настигать стали. А он им ассигнации кидает! Пока те подбирали, он и ушел.

Он замолчал, с удовольствием затягиваясь дымом.

– Обыкновенный преступник, – ровным голосом произнес Соколов, закончив с оружием. – Романтизированный черню. В конце концов, все они кончают одинаково: либо на каторге, либо с пулей в брюхе.

Я промолчал.

Ротмистр видел лишь нарушение закона. А я видел человека, который на этой дикой земле создал свои правила. Свою армию. И я невольно примерял эту дикую историю на себя, на свою маньчжурскую вольницу, и понимал, что между мной и этим Иваном Фадеичем куда больше общего, чем

между мной и ротмистром Соколовым. Мы оба были теми, кто переходит границу. Просто границы у нас были разные.

Наконец, спустя недели, показавшиеся вечностью, наш караван добрался до Нижнего Новгорода. Здесь, у слияния Оки и Волги, заканчивалась дикая, речная часть нашего пути. Здесь начиналась цивилизация. Я стоял на гудящей пристани, вдыхая смешанный запах рыбы, угля и свежего хлеба, и чувствовал, как земля под ногами кажется непривычно твердой.

Но радость была недолгой. Весенняя распутица, от которой мы бежали, здесь была в самом разгаре. Тракты превратились в непролазные болота, и почтовые кареты, как мне сообщили, ходили нерегулярно, застревая на каждой версте. Но в Нижнем была железная дорога. Чугунка до Москвы, открывшаяся всего год назад.

И вот я стоял на пристани перед выбором. Прямо отсюда, с вокзала, я мог сесть на поезд и через сутки быть в Москве, а оттуда рукой подать до Петербурга, до моих великих дел. Но Ольга... Ее имение в Гороховце находилось прямо по пути следования поезда. Соблазн сойти с состава, сделать крюк и хотя бы на один день, на один час заехать к ней, увидеть ее, был почти невыносим.

– Наш маршрут, господин Тарановский, – Иркутск-Петербург, – раздался за спиной холодный, ровный голос ротмистра Соколова. – Без отклонений.

Я обернулся. Мой «ангел-хранитель» смотрел на меня

своими бесцветными глазами, и я понял, что он читает мои мысли.

– Ротмистр, – сказал я тихо. – У меня там... дела. Семейные. Неотложные.

– Мой приказ не предусматривает семейных дел, – отрезал он.

– Приказ предусматривает доставить меня в столицу. Я не собираюсь бежать. Я лишь прошу о небольшой остановке. Разумеется, – я выдержал паузу, – все неудобства и расходы, связанные с нарушением графика, как для вас, так и для ваших людей, я готов щедро компенсировать.

Я смотрел ему прямо в глаза, и в моем взгляде была не просьба, а деловое предложение. Он молчал несколько секунд, взвешивая на невидимых весах приказ, риск и пачку ассигнаций, которая маячила за моими словами.

– Один день, – наконец произнес он. – Не больше.

Мы сошли с поезда на маленькой станции в Гороховце. После Сибири здешняя весна казалась чудом. Воздух был влажным и пах прелой землей, набухшими почками. Березовые рощи, стоявшие вдоль дороги, были окутаны нежной, прозрачной зеленой дымкой, словно кто-то набросил на них тончайший газовый платок. Весь мир, казалось, просыпался, дышал надеждой, и мое сердце стучало в такт этому пробуждению.

Я нанял брички, и наш маленький отряд – я и молчаливые жандармы Соколова – поскакал в сторону имения Левицких.

Я представлял себе эту встречу сотни раз. Как она выбежит на крыльцо, как я соскочу с коня, как обниму ее... Сердце замирало от этого предвкушения.

Вот и знакомый поворот, вот ограда, вот аллея, ведущая к дому.

И тут я замер, натянув поводья.

Господский дом был заколочен. Все окна, и на первом, и на втором этаже, были наглухо забиты крест-накрест серыми, потемневшими от времени досками.

Глава 6

Дернул тяжелую дубовую дверь – заперто. Я стучал, кричал, звал Ольгу, но в ответ мне была лишь гулкая тишина и вой ветер в голых ветвях деревьев.

Наконец, в маленьком сторожке у ворот я обнаружил признаки жизни – из трубы в тонкий дымок. Дверь мне открыл сгорбленный, высохший старик, в котором я с трудом узнал бывшего слугу Ольги. Он уставился на меня, как на привидение.

– Барин... Владислав Антонович... – прошамкал он, не веря своим глазам. – Живой...

– Что здесь случилось?! – прорычал я, хватая его за воротник тулупа. – Где Ольга? Где все?!

– Уехамши... – неожиданно пролепетал он. – Все уехамши, барин. В Петербурге. Еще осенью. И Михаил Васильевич с нею же!

– Как в Петербурге? Почему?!

Старик, видя мое состояние, засуетился, пригласил в свою каморку. Там, у теплой печки, он рассказал все, что знал.

– Так ведь у барышни нашей, Ольги Александровны, деньжата теперь нашлись, – начал он. – После того, как вы уехали, приехал господин стряпчий, бумагу привозил. Говорил, дела по имению покойного батюшки ее уладил.

Я слушал его, и свинцовый груз, давивший на сердце, на-

чал понемногу спадать, сменяясь гулкой пустотой. Она жива. С ней все в порядке. Она просто уехала... потому что у нее появились деньги. Причем появились они моими усилиями.

– Она... она что-нибудь говорила? Обо мне? – спросил я, боясь услышать ответ. Старик покачал голову.

– Сказала только, что вы по делу торговым словом в Сибири отбыли. Велела кланяться, коли свидимся.

Сердце снова ухнуло в пустоту. «Кланяться». Простое, вежливое, пустое слово. Я вышел из сторожки и снова посмотрел на заколоченный, мертвый дом.

Значит, – в Петербург. Что ж, это даже к лучшему. Мои собственные дела все равно вели меня именно туда.

Я вернулся на станцию, к ожидавшим меня жандармам.

– Передумал, господин ротмистр, – бросил я удивленному Соколову. – Едем дальше. В Москву, оттуда – в Питер.

И тут же, в конторе начальника станции, я отправил короткую телеграмму человеку, встреча с которой была мне теперь необходима. Короткую и ясную: «Прибываю завтра. Встречай. Тарановский».

По расписанию, поезда ходили довольно часто. Следующий должен был быть в 6 вечера. Но нашим планам не суждено было сбыться так скоро. Вернувшись на станцию, я обнаружил, что нижегородский поезд, который должен был прибыть с минуты на минуту, задерживается. «На неопределенное время».

– Когда будет? – спросил я начальника станции, замучен-

ного чиновника в форменном сюртуке.

Тот лишь развел руками.

– Как Бог даст, ваше благородие. Телеграфировали из Нижнего – задержка.

– Какая задержка?! – вскипел я.

– Обыкновенная, – невозмутимо ответил он, привыкший к гневу пассажиров. – Машинист запил. Сменного нет. Ждем, пока проспится!

– Как это – сменного нет? – не понял я. – Поставьте другого машиниста!

– Не положено, – зевнул он. – У каждого паровоза своя бригада. Приписанная к паровозу. Коли машинист захворал, паровоз стоит. Пока его бригада отдыхает, чужую на их машину ставить – не велено. Таков порядок еще при господах французах заведен.

Поговорив еще немного, я узнал много нового про наши железнодорожные порядки. Например, оказалось, что дорога, хоть и связывает два крупнейших торговых города – Москву и Нижний Новгород – совсем не отягощена грузами. Железнодорожные перевозки заказывают немногие – слишком дорогой тариф. Особенно удивительно, что цена перевозки зависит в основном от стоимости перевозимого товара – ее устанавливают как процент от объявленной стоимости. Из-за этого дешевые грузы оказывается перевозить много выгоднее чем дорогие. И еще многое, многое другое...

Мы говорили, а во мне закипала глухая ярость. Не на это-

го сонного чиновника – на саму систему, этот чудовищный, нелепый, средневековый порядок, где не человек для дела, а дело для человека. В моем прошлом, в ХХІ веке, на одном тепловозе, сменяя друг друга, работали три, а то и четыре бригады, обеспечивая бесперебойное движение. Американцы, с которыми я плыл по Амуру, с удивлением рассказывали мне то же самое – у них так принято уже давно, с самого начала. Паровоз – это просто машина, тяговая сила: он должен тащить грузы, а не ждать, пока его хозяин-машинист соизволит проспать. Эх, много же еще придется тут помянуть! Много.

Пришлось ночевать в Гороховце, в довольно-таки скверной гостинице с клопами.

Наконец, поутру поезд из Нижнего Новгорода, пыхтя и отдуваясь, показался на станции.. Мы тронулись. Но само путешествие показалось мне чудовищно долгим. Дорога была однокольной, и наш пассажирский состав то и дело загоняли на запасной путь, где мы по полчаса, а то и по часу, пропускали встречные товарняки. И не сказать, чтобы встречных поездов было много – скорее, наоборот – но все-же они здорово тормозили нас. Но делать было нечего – пришлось смириться.

Я сидел у окна, глядя на проплывающие мимо пейзажи. Весна вступала в свои права. Поля уже подернулись нежной, изумрудной дымкой молодой зелени, в перелесках цвела черемуха. Эта мирная, спокойная красота должна была

бы умиротворять, но она лишь бредила душу, а мысли мои в это время витали далеко-далеко отсюда.

Тревога об Ольге, на время забытая в дорожной суете, вернулась с новой силой. Почему она уехала? Ведь у нее не было такого намерения... Что заставило ее сорваться с места и броситься в столицу? Может... может, в этом замешан другой мужчина? Она молода, красива, а теперь еще и богатая невеста – лакомый кусок для любого столичного хлыща. Да, мы были повенчаны перед Богом, наспех, почти тайно... но что значит этот перед соблазнами светского общества? А вдруг ей сказали, что я погиб? Сообщили, что она – богатая сирота, теперь снова свободна? Эти мысли жалили, как скорпионы, мешались с тревогой и горечью, и я с нетерпением ждал, когда же этот бесконечный путь, наконец, закончится.

В Москву мы прибыли с опозданием почти на сутки. Но едва я, сопровождаемый молчаливым Соколовым, ступил на перрон, как тут же оказался в объятиях огромного, похожего на медведя, человека в дорогом сюртуке.

– Владислав Антонович! Живой! Здоровый! – гремел бас Василия Александровича Кокорева. Он с силой хлопал меня по спине, и его широкое, бородатое лицо сияло искренней, неподдельной радостью.

– А мы уж тут всякого надумались! Год от тебя ни слуху, ни духу! Думали, сгинул где в своей Сибири!

Я с трудом высвободился из его объятий, коротко представив ему ротмистра, на которого купец лишь мельком гля-

нул, тут же потеряв всякий интерес.

– Дела были, Василий Александрович. Большие дела, – усмехнулся я.

– Да уж догадываюсь! Ты же, чертяка этакой, без большой кутерьмы не можешь! – он экспансивно подхватил меня под руку. – Ну, да что ж мы здесь торчим! Поехали! В трактир к Тестову! Там и поговорим, как люди! Порошеночка знаменитого отведаем, щец с головизною похлебаем!

Трактир Тестова встретил нас шумом, гамом и густым запахом вкусной, сытной еды. В огромном, полном народа зале гремел румынский оркестр, а услужливые половые в накрахмаленных рубахах летали между столами, разнося дымящиеся блюда. Трактир Тестова – самое «купеческое» заведение Москвы – был весь устроен под вкус московских негоциантов. Он даже назывался нарочито «трактиром», а не «рестораном». Местные воротилы отдыхали тут душой, находясь в кругу своих – без чиновников, без дворян, и уж тем более – без прочей шушеры.

– Значит так, любезный! – скомандовал Кокорев подбавившему половому. – Вот этих господ – он указал на жандармов – угости «по-нашему», я потом оплачу. А нас с господином Тарановским препроводи в отдельный кабинет – нам потолковать надо!

Едва за нами закрылась дверь, с лица Кокорева тут же слетела маска веселья. Он тяжело рухнул на диван и, распустив галстук, вытер платком потный лоб.

– Ох, Владислав Антонович... тяжело! – выдохнул он. – До ручки доходим, ей-богу!

– И что же у вас не так? Рассказывайте, любезнейший Василий Александрович! Может, поможем горю! – подбодрил его я.

И он начал рассказывать о том, что творится на железных дорогах ГОРЖД. Увы, дело управления такой громадой оказалось очень и очень непростым.

– Представляешь, – кипятился он, – на той неделе состав с зерном из Рязани до Москвы две недели шел! Две недели – двести верст! Сначала паровоз сломался – бригада пьяная была, котел сожгли. Ждали, пока из Москвы другой пришлют. Потом едва со встречным почтовым не столкнулись. Беда наша главная – сама дорога: она у нас вся однокорейная. В один путь. Чтобы двум поездам разойтись, один должен часами стоять на разъезде, пропуская встречный. А связи-то никакой! Начальник станции в Коломне и понятия не имеет, вышел ли поезд из Рязани. Ждет, боится лоб в лоб столкнуться. И вот стоят составы, груженные добром на сотни тысяч, стоят сутками, пар жгут, время теряют! А время – деньги! Убытки такие, что волосы дыбом встают! Мы из-за этих проклятых разъездов больше теряем, чем от всех воров вместе взятых! Хоть вторую колею прокладывай, да где ж на это денег взять? Тупик!

Василий Александрович, с потемневшим от огорчения лицом, откинулся на спинку дивана и опрокинул в себя рюм-

ку померанцевой водки.

– А в довершение всего, Владислав Антоныч, ты не пове-
ришь: когда состав прибыл, оказалось, что половина груза по
дороге... испарилась! Просто исчезла! Концов не найдешь!
Убытки – страшные! Воруют все, от начальника станции до
последнего стрелочника! А порядка – никакого. И так – вез-
де, – закончил Кокорев, залпом осушив рюмку водки. – Вез-
де! Денег вбухали – миллионы! А прибыли – кот наплакал.
Одни убытки да жалобы.

Слушал я эти жалобы, и не мог отделаться от чувства де-
жа вю: полтора ста лет прошло, а истории – все те же самые!
Коррупция, неумелое управление, воровство, бардак... «Не
по Стеньке шапка. А ведь Кокорев – из лучших наших управ-
ленцев на сегодняшний день!» – грустно подумал я.

Надо ему подсобить. А то совсем мужик изведется.

– А что, если я скажу вам, Василий Александрович, что
все это можно исправить? – спокойно сказал я, поддевая на
вилку кусок отменной холодной осетрины. Он уставился на
меня с недоверием.

– Как? Нового министра назначить? Или всех воров пе-
ревешать?

– Проще, – я взял салфетку и макнул перо в чернильни-
цу. – Нужно просто поменять правила. Ведь прежде всего
нужно что? Правильно, чтобы доход был. А как его найти?

– Как? – повторил Кокорев, наливая себе померанцевой
водки. – Будешь?

– Нет, спасибо. Чтобы был доход, нужен оборот. Надо увеличить грузопоток по дороге. Для этого надо сделать две вещи. Во-первых, изменить ценообразование.

Взяв салфетку, я начал черкать на ней схему будущего обогащения ГОРЖД.

– Смотри – вот ваши тарифы. Вы берете плату в зависимости от ценности груза. За пуд шелка – рубль, за пуд чугуна – копейку. Это же глупость! Какая паровозу разница, что тащить? Вес и объем – вот что главное! А за ценность груза пусть платит тот, кому это нужно. Введем страхование. Хочешь застраховать свой шелк от утери – плати дополнительно. И это, – я усмехнулся, – будут для нас новые, чистые барыши.

Кокорев молчал, глядя на мою салфетку.

– Но главное, – добил я его, – сами тарифы нужно не повышать, а резать! Вдвое!

– Да ты с ума сошел! – взорвался он. – Мы и так едва концы с концами сводим!

– Вот именно! – я стукнул кулаком по столу. – Ваши тарифы – грабительские. Поэтому фабрикант предпочитает везти свой товар на лошадях, неделями, а не на ваших поездах. Это долго, но дешевле! А если мы снизим цену, к нам хлынет такой поток грузов, о котором вы и не мечтали! Мы потеряем на цене, но вдесятеро выиграем на объеме! Будем оборотом брать.

– Так а как его, объем-то этот, обеспечить? У нас и паро-

возов, и вагонов – не мильен!

– А для этого, дорогой Василий Алексаныч, надобно ввести «американскую систему»!

И тут я объяснил ему порядок.

– Проблема первая – паровозы, – начал я. – У вас каждая бригада приписана к своему локомотиву. Паровоз – их дом, их корова. Они его холят, лелеют, никого к нему не подпускают. А когда машинист заболел или просто устал – паровоз стоит. Вместе с целым составом. Верно?

Он изумленно кивнул.

– А по-американски – паровоз ничей. Это просто тягловая сила. Машина. Одна бригада довела состав до станции, отцепилась и пошла спать. А ее место тут же заняла свежая, отдохнувшая бригада, села на тот же самый паровоз и повела состав дальше. Никаких простоев. Поезда должны ходить, а не стоять.

– Но... но ведь так они машину угробят! – возразил он. – Чужое – не свое!

– Для этого есть ремонтные бригады на станциях, – парировал я. – Их задача – чинить, а дело машинистов – ездить. Каждый должен заниматься своим делом.

Кокорев замолчал, обдумывая услышанное.

– Проблема вторая – однокорейка. Вечная беда, из-за которой поезда часами ждут на разъездах. Решить ее просто. – Я начертил линию. – Телеграф. На каждой станции, у каждого стрелочника. Чтобы дежурный по станции знал точно,

где находится каждый поезд на его участке. Чтобы он мог управлять движением не вслепую, а по четкому графику. И график должен исполняться не-укосни-тель-но!

Кокорев молчал, потрясенно глядя на мою исчерканную каракулями салфетку. Он, практик, делец до мозга костей, мгновенно оценил всю мощь и простоту этих идей. Восторг на его лице сменился азартом.

– Боже мой... Владислав... да ведь это... это ж форменная революция! – торжествующим тоном прогудел он. – Это ж золотое дно! Если хоть половина из этого сработает, мы не то что из убытков вылезем – мы озолотимся!

– Вот и я о том же, Василий Александрович, – усмехнулся я. Рад был видеть, что он не утратил своей купеческой хватки.

И, пользуясь моментом, пока он был еще под впечатлением, я решил перейти к главному. К тому, ради чего я на самом деле и искал этой встречи.

– А теперь, – сказал я, отодвигая в сторону тарелки, – давай поговорим о настоящих деньгах. О настоящих дорогах. Он удивленно посмотрел на меня.

– Я говорю о Сибири, – продолжил я. – Я ехал оттуда почти два месяца. И я видел эту землю. Это не просто край, это континент. И этот континент умирает без дорог.

Я рассказал ему все. О своей идее Ангаро-Ленской ветки, о богатствах Бодайбо, которые теперь, после собрания, были полностью в моих руках. И о том, что это золото должно

стать не просто мертвым капиталом, а топливом для великой стройки.

Тут раскрасневшийся от «померанцевой» Кокорев поглядел на меня с нескрываемым скептицизмом.

– Ты, Владислав Антоныч, конечно, «голова», и широко шагешь. Но строить дорогу через всю Сибирь – ну эт ты ша-лишь! Там пространства-то какие? Жуткие версты!

– Ну так не все сразу! Мы начнем с Урала, Василий Александрович, – с жаром возразил ему я. – Доведем дорогу до Екатеринбурга. Там грузов – море, а везут все дедовским способом – на барках. Копят грузы весь год, чтоб затем, весной, в неделю половодья все вывезти. В неделю! Со времен Петра I ничего не переменилось. Только построим туда дорогу – ее завалят грузами! Но это – только первый шаг. Дальше – Тюмень, Омск, и так до самого Иркутска. Великий Сибирский Путь.

Кокорев слушал, и его лицо становилось все серьезнее. Это был уже не просто разговор о прибыли. Это был разговор об Империи.

– Чтобы построить такую дорогу, – сказал я, – нам нужно три вещи. Деньги, воля и дешевые рельсы.

– Ну, «воля» – будет, – кивнул он, имея в виду связи при дворе и в министерствах. – Деньги... – он посмотрел на меня, – я так понимаю, теперь тоже будут. А вот с рельсами беда. Демидовы и прочие уральские тузы дерут за них втридорога. Бельгийские – и то дешевле. Казна, понятное дело,

платит, – а вот мы разоримся. Нам надобно деньги считать!

– Мы не будем у них покупать. Мы сделаем их дешевле, – ответил я.

И я рассказал ему свой план. О модернизации уральских заводов. О вложении денег в новые технологии – прокатные станы, томасовский процесс, строительство паровых экскаваторов и лесопилок для шпал. Об использовании динамита для прокладки тоннелей.

– Мы не просто построим дорогу, Василий Александрович, – закончил я. – Мы сначала устроим под нее целую новую промышленность. Здесь, в России. На русские деньги и русскими руками.

Он долго молчал, переваривая услышанное. Грандиозность замысла, казалось, ошеломила даже его, человека, привыкшего мыслить миллионами.

– Ты... ты просто дьявол, Тарановский. Но как, скажи на милость, как все это осуществить? – Кокорев вскочил и зашёл по кабинету трактира. – Это же... это же годы! Десятилетия! Нужны тысячи рабочих, инженеров, подрядов...

– Нужно начать, Василий Александрович, – спокойно ответил я. – И начать с умом. Не распылять силы. Ударить в двух точках одновременно.

Я снова взял салфетку.

– Смотри. Вот Урал. Вот Казань. Мы не будем тянуть одну нитку годами. Мы начнем стройку сразу с двух сторон, навстречу друга другу. Одна бригада идет из Екатеринбурга

на запад. Вторая – от Казани на восток. Они встретятся где-то вот здесь, у Камы. К моменту «схода» уже должен быть готов мост, чтобы не вышло, как на Клязьме с Левицкими... Так мы сокращаемся время постройки минимум вдвое.

– А снабжение? – он тут же занял слабое место. – Как подвозить материалы, работающие в этой глуши, где нет никаких дорог?

– А мы строим временные дороги, – сказал я, и это была моя главная, припасенная на самый конец, идея. – Деревянные.

– Что?!

– Деревянные рельсы, Василий Александрович. Прямо из местной лиственницы. Укладывается быстро, стоят копейки. По нему можно ходить на легких паровых локомотивах, тащить вагонетки с землей, со шпалами, и ездить. Мы построим дорогу, используя саму эту дорогу для ее же снабжения. Это американская технология – так у них делают сейчас. Это мне от самих американцев известно, и вот пока мы вверх по Амуру шли, они мне много всего порассказали!

Кокорев остановился и уставился на меня. На его лице было написано полное, абсолютное, почти детское изумление. Он, купец-практик, мысливший категории обозов и пароходных фрактов, вдруг увидел простую и гениальную схему, решающую, казалось бы, неразрешимую задачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.